

Эдуард Беспящкин

ПОДАРКИ

сказки чёмной стороны

INTRO

23

БОГ

TOUCH

2011

18+

Эдуард Беспяткин

ПОДВАЛ

СКАЗКИ
ТЁЙНОЙ
СТОРОНЫ

-18+

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)
Б53

Беспяткин Э.В.
Подвал: сборник рассказов / Bespyatkin — 2019. 420 с. Сказки тёмной стороны. Категория информационной продукции - 18+.

В сборник вошли самые популярные произведения короткой прозы от Эдуарда Беспяткина. Уникальный стиль изложения выделяет автора из числа мастеров современной литературы и делает его творчество неповторимым и легко узнаваемым. Книга в целом покажет читателю забавный и нелепый путь маленького человека в большом и непредсказуемом мире капиталистического разложения.

Цветные картинки от Елены Невмывако (Smoloskyp).

Нецветные картинки от Сани Фарафонова (Opossum).

Оригинал-макет подготовлен Дмитрием Невмывако (Zbeer).

ISBN 978-5-90363-276-3

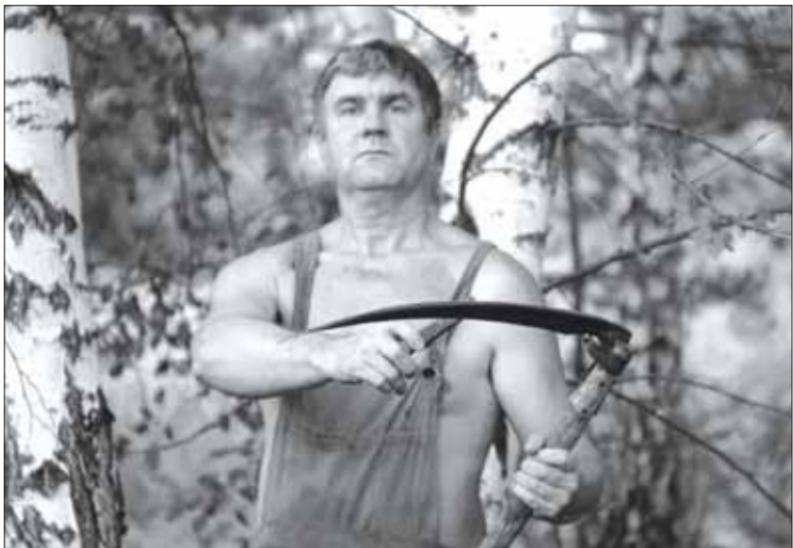
©Беспяткин Э.В. - 2019

Я несколько туг на правое ухо, поэтому посадите пожалуйста, справа от меня какого-нибудь скучного малого, в обществе которого никто не будет нуждаться. А по левую руку от меня, надеюсь, Вы посадите красавицу — я хочу сказать: наиболее красивую даму из Ваших гостей...

Вы должны быть готовы к тому, что мой костюм будет напоминать костюм Адама. Надеюсь, что приглашённые Вами гости женского пола будут одеты в таком же стиле...

*Карл Маркс — Элеоноре Маркс
(3 июля 1865 г. Лондон)*

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ АВТОРА

Дорогой мой читатель! Я хочу предостеречь тебя на предмет прочтения текстов, которые там, ниже, поджидают незнакомца, словно потревоженные шерши.

В этих сказках перемешано всё. И грязная правда, и грубо сплетённая ложь, и бестолковое веселье, и глубокомысленный депрессняк. Разной пережитой дряни полно там и ещё матерных слов всяких, крови и воскрешения, разврата и любопытства, безумия и звёздной пыли.

Кстати, о лютой брани. Так говорят мои герои и по другому они не могут. Не могут они вести себя правильно, ибо живут они в неправильное время, по неправильным дорогам ходят и чувствуют и любят неправильно.

Но есть в том и плюсы. Мои герои не лгут. Не станут они врать, даже если уже соврали. Правда всегда одна, как гово-

рит марксист Костя Сёмин. Одна она, эта правда, и на всех её не хватит. Вот и тебе может не хватить. Потому и сказки всё это. А былья и так за глаза нам, живущим в 21-м веке распиздяям.

Так вот что. Если кто-то из моих героев вдруг начнёт тебя, читатель, бесить или там водить за нос, то бросай эту книжку в мусоропровод, не раздумывая. Это мой тебе совет.

Тому же, кто стерпит и прочтёт всю эту тёмную сторону, тому... Я даже не знаю, что будет. Но подозреваю, что читатель не повторит ошибок, которых полно в нижеописанных историях. У меня не получилось не повторить. Но у вас сто пудов получится.

С искренней уважухой вас всех!
Эдуард Беспяткин

INTRO

Мироздание — не пакет с чипсами. Это большая-пребольшая ёмкость, в которой плавают звёзды, туманности, мысли и первый закон Ньютона. Мы стремимся познать мир, но всё время покупаем неправильную водку.

Бог ли людей создал? Люди ль создали Бога? Это - самые дурацкие вопросы философии. Всё просто и доступно. Надо только не расплескать пойло, и пользоваться гранёными стаканами. Вообще пить алкогольную метафизику — это антинаучно и теоретически неверно. Но не пить — значит признать невозможность вечного двигателя. А ведь мой сосед уже 20 лет катается на «Москвиче» с таким двигателем.

Так что граждане, не «заморачивайтесь» на тему жизни на Марсе. Жизни, как таковой нет и в помине. Есть только номерки в гардеробе, где висят наши души, и третий звонок, предвещающий начало первого акта...

ГРУШИ

Ну, вот пришёл я, допустим, на концерт знакомых музыкантов. Заглянул просто. Не пьяный, не трезвый, а так - любопытный что ли.

А там, в зале, люди различных размеров в одеждах чистых. На столах вино и водка, под столом бесы ждут, когда концерт начнётся. Много милых лиц вокруг и все улыбаются.

Только я любопытен. Только мне не концерта хочется, а желаемо встретить какую-нибудь незнакомку, пусть даже не под вуалью. Тонкую такую кобылу в платье тёмно-синего цвета с поясом и колготки чтобы тёмными были.

Подойду я к ней и улыбнусь всеми зубами нараспашку. Глазами раздену до туфлей и предложу вина в бокале. Ну, конечно же, было бы лучше предложить ей портвейна в баклажке, за остановкой, у драмтеатра, в час ночи. Несомненно, это лучше. И романтики в этом портвейне больше, чем в бокале с дурацким «Gallo» и в башку шибает предсказуемо.

Но, вот такие дела. И на концерте знакомых музыкантов всё как у людей теперь стало. Это ж не на «квартирнике» рядом с метро «Чеховская». Это там все через одного боги, а бабы в протёртых трусах по квартире шарятся.

Пора бы уж пристойно знакомиться с разведённой самкой в кругу опрятных и начитанных граждан. Пора бы, да не получается вроде.

Ну, вот концерт начался, а женщину я так и не увидел. То

есть, женщины, конечно, были. Всякие были женщины. И в платьях, и в костюмах, и в свитерах с брошками. Но, все они курили, отставив пальцы в сторону, и губами чмокали, как бы предвкушая музыку.

А музыка была ну так себе, обычная замороченная эстрада с потугами на рокенролль иль что там ешё. Гитары, барабаны и бас. Ну и на скрипке кто-то в тёмном углу извивался. Я люблю песни, которые не понимаю. Но вот те, которые понять можно, люблю не очень. Сегодня был второй вариант. Я снова оглянулся по сторонам.

Мне махали руками с разных сторон света, предлагая пристесь за столик, но я точно знал, чем это закончится. А, видите ли, просыпаться под мостом, когда по нему громыхает первый утренний трамвай называть романтикой в моём социальном статусе, простите, глупо. В итоге я встал у стойки бара и попросил водки без лимона. Сразу две стопки попросил.

Выпил и заказал ешё.

Потом повернулся к сцене и медленно моргнул.

Знакомый музыкант пел, надрывая душу и толкая микрофон. Слова и смыслы летели в публику густыми творческими клубами. Гармонии и ритмы качали зал, а зал качал головами и выпивал при этом. Это было красиво.

Я люблю время, когда песни ешё кажутся высокохудожественным прологом к творческому апофеозу. Ты как бы полон ожидания откровенных тайн, эмоций, ночных сюрпризов до той поры, пока слова и музыка не скуются до размеров бытового пиздострадания. Вот уж потом можно пить без посредников и неуклюже тыкаться в потные подмышки дам с плавающими глазами.

И всё-таки я увидел её. Да, я усмотрел как-то в тёмном проёме, возле бархатной шторы, женщину, нужную сегодня и взволновавшую сердце. Откуда она пришла, из какого вагона вышла? Почему одна и не за столиком?

Ноги её стоили дорого для такого романтика как я, а глаза наоборот дешевели с каждым тактом пошлой песенки про какую-то мулатку. Приоткрытый рот и пухленькие пальчики

с перстеньком. Платье чёрное, полусапожки со «змейкой» и всякие там линии экстерьера. Волосы как у Мирей Матье. Да чтоб меня! Это вот хорошо!

Но подойти я почему-то не решался. Во-первых — мне надо было пропиздячить через весь зал на глазах у знакомых музыкантов. А это согласитесь, неприятное занятие. Всем кивай, жми руки и можно просто проебать то, зачем шёл. А во-вторых, что я ей скажу, на фоне всей этой атмосферы. «Привет, я вот увидел вас и хотел...». Блядь, чего хотел, зачем хотел? Это вот вы понимаете, чего, она понимает, а я вот в дураках весь. Ну, где же та остановка и этот чёртов час ночи? Где портвейн или драмтеатр?

Я выпил ещё и тронулся в путь. Плевать на знакомых музыкантов — они поймут.

Но что творится? Она, женщина эта, тоже пошла навстречу мне, через гостей промеж столиков с вином и апельсинами. В этот момент я вспомнил, что с деньгами у меня плохо, я бы даже сказал совсем хуёво. Я ж не смогу показать dame мир в ладонях без денег, я ж не поведу её в чертоги с балдахинами и новой сантехникой за просто так. Как вообще без денег можно заниматься волшебством и презентациями? Да никак.

— Дай «птчк», Аркаша... — прошипел я знакомому режиссёру.

Схватив купюру на ходу, я прошествовал далее к мечте с волосами, как у Мирей Матье. И где-то у центра сцены мы встретились. Как в кино, как в «Унесенных ветром». Глазами встретились, телами и душами.

Знакомый музыкант поднял руки и последний аккорд рухнул с потолка, словно штукатурка. Все захлопали ладонями и закричали что-то. Цветные фонарики разбежались по стенам, словно собаки возле «мудиловского» кладбища.

Но мы этого не заметили. Мы просто стояли и трогали друг друга взглядами. Как инопланетные пришельцы трогали.

— Пойдём отсюда, — мягко сказала она.

— Уйдём отсюда, — ответил я потвёрже.

Мы, держась за руки, вышли в фойе к гардеробу. Я забрал

свою куртку. Она - красный с поясом плащ и щё шарф длинный.

Гардеробщик по фамилии Дранкин подмигнул мне и незаметно дал ключики, которые открывают дверь в известной каморке на Левом берегу. Я дал ему волшебную бумажку. Музыка в зале глухо билась о стены, словно в палате для душевнобольных.

Далее мы оказались на улице, пронзаемые подлым ветром и обрызганные шальным дождиком. Осенний вечер просто не хотел нас видеть.

— Вон там остановка и троллейбусы щё ходят на микрорайоны, — предложил я экскурсию в чёртову эту осень.

— Давай постоим у пруда, — попросила она.

— Давай постоим у пруда, — разрешил я, вспоминая расписание троллейбусов.

У пруда было темно. Чёрная вода шевелилась от ветра, словно плащ сатаны. По холодному парапету, шатаясь, брёл мокрый, полосатый кот с диким взглядом. Но он даже не взглянул на нас этим взглядом. Не до нас ему было, а жаль.

И тут я услышал неприятное. Шаги услышал я и чьё-то взбешённое дыхание. Мы повернулись на дыхание.

Перед нами неприятно проявился человек тёмной масти в модном сером пиджаке и обтягивающих ноги джинсах. Его лицо выражало всякую нехорошую думу и шевелилось - как та вода в пруду.

— Марина, перестань себя так вести, вернись, кому сказал, — произнесло это лицо.

— Хватит, Амир, неудачное знакомство вышло, иди к друзьям и напейся, — дерзко ответила женщина.

— Что ты сейчас сказала? — воскликнул по-птични Амир.

— Правду, — ответила моя незнакомка.

Вот, граждане! Когда мы ругаемся на стройке возле «поплывшего» фундамента, то подобные интонации пропитывают окружающую среду вдоль и поперёк. А когда мы начинаем бить друг друга досками и кулаками, природа на время забывает о своих законах и делает ставки. Вольные каменщики

или подневольные кровельщики — кто защитит истину, кто набьёт ебало и кому?

Но то стройка. Там никаких душевных страданий и волнительных од. Только проёбаные труды и зарплаты без бонусов. А тут бытоваая сцена не родившейся любви и обида горца на также банально проёбанное свидание.

Амир бросился к женщине с намерениями недобрыми и взглядом диким, как у того кота, что ушёл недавно в другое измерение. Нет, так бросаться нельзя. Так вести себя можно, но бросаться, уж увольте.

— Эй, не лезь, — попытался остановить я горца.

— Э-э-э... чо-о? — повернулся ко мне злой человек.

— Нич-о-о, иди музыку слушай! Марина на пруд смотреть хочет, — ответил я, машинально рукой ища доску.

Тогда он бросился на меня бессловесно и по-спортивному. Ну да, как обычно эти вот в обтягивающих джинсах чем-нибудь восточным да занимаются. В секциях там или ещё где.

А это вот плохо, ибо я если и бил грушу, то лишь черенком от лопаты - чтоб раствор отвалился. А ещё, к примеру, бывало хуем эти груши околачивал, когда прораб стройматериалы не заказал вовремя.

В общем, кинулся он, Амир этот, ко мне за местью или психологической разгрузкой. С кулаками, правильно поставленными, кинулся и наносить удары начал.

Вот, скажу я вам, если вас бьют спортсмены - вы не бойтесь. У них есть техника и правила. У вас нет ни того, ни другого. Только сила в руках и голова крепкая (ну, это если вы демонтаж крыши без касок делаете). Главное, надо схватить бойца в охапку и бросать на твердые поверхности или в воду, пока он вас бить будет. Конечно, есть профи, которые вырубают на раз и без сожаления, но такие граждане редки в местах, где дождик стылый и листва на земле ковром мёртвым лежит.

Между тем, поймал я его за тело спортивное и бросил на плиты бетонные. Потом ещё раз поймал и уже бросил в воду. Там его приняли русалки и топить стали. А на плитах остался только нож, выпавший из горца.

Мы с Мариной бросили Амиру шарф во спасение и он вылез на сушу испуганный и грязный, словно его крестили в Иордане.

— Ты, тварь, — только и сказал он промеж нас, нащупывая в одежде холодное оружие.

— Я тварь, но ты простудишься, возвращайся в клуб, пожалуйста! — за всех ответила женщина.

И он пошёл. Нет, не так - он ушёл. Ушёл в обнимку с досадой и без добра в сердце. Возможно, он думал о ноже или же наоборот, не думал ни о чём.

— Смотри, троллейбус, — весело сказала Марина, пальцем указывая в сторону чёрной мэрии.

* * *

Мы сидели на грязных сиденьях и болтали о всякой ненужной дряни. О президентах болтали, о горловом пении и о каком-то Егоре Криде.

А ещё я узнал, что Марина работает маляром в большой строительной конторе и никакая она не интеллигентная блядь, а самая вот растакая рабочая лошадь в капиталистическом мире. Уж я то малярш знаю ого как! Я их обнимал и поил из алюминиевой кружки горькой «Стрелецкой» настойкой в 27 градусов по алкоголю. И они обнимали меня под разными градусами и даже без алюминиевых кружек. Малярши всегда лучше бухгалтерш, которым хоть розу, хоть гвоздику да подари. А цветы - это вообще зло в ночном блуде или дневном флирте. Впрочем, забудем о прошлом.

— А ты правда в Бога не веришь? — спросила Марина.

— А чего в него верить, есть много полезных и героических вещей в жизни, в которые стоит верить. Или хотя бы следовать им, — ответил я добром на добро.

— А я вот молюсь в церкви.

— А меня туда не пускают.

— Да ладно.

— Мне отец Андрей тридцать косарей должен, ну я и при-

шёл за ними, а он там пел что-то тугим басом, — объяснил я причину отказа в допуске к Богу. — Не отдал он мне деньги, а его старухи с железными руками выкинули меня из храма, даже кагора на похмелку не дали.

— Ты поступил глупо, — серьёзно сказала мне женщина.

— Тебе виднее, но давать деньги в долг жрецам, согласен, глупо, — вздохнул я. — А как ты с этим горцем связалась, он же явно не со стройки.

— По Интернету переписывались; и он на концерт пригласил, — теперь уже вздохнула она.

— В отдельном-то кабинете концерт слушать?

— Да их там трое было, я потому и ушла.

— Они сейчас, поди, на «Приоре» круги нарезают по центру, известное дело, гордые, блядь. И ещё, этот, Интернет — зло, — пропел я ей в ухо.

Она замолчала. Безмолвствовал и я, глядя в мутное стекло, по которому с обратной стороны капли бились от дождя. Это вот хорошо так ехать в пустом троллейбусе в спальные районы. Поздним вечером и в окружении непогод всяких.

Мы прижались друг к другу, словно котята в коробке из-под «Доширака». Плафоны в салоне общественного транспорта то гасли, то разгорались, словно на дискотеке. Из-под пола тянуло волшебной гарью.

Потом мы проехали «Кольцевую» и дождь в стекло баранил перестал. Мы стукнулись лбами, как это принято в троллейбусах. Мы словно зарядились, как аккумуляторные батарейки и уж были готовы сказать друг другу что-то хорошее. Но транспорт остановился грубым способом и распахнул дверцы.

В эти дверцы дунуло стылым ветром. А ещё в одну из них проник взъерошенный, высокий, нескладный человек. И мне был знаком этот гражданин. Давно, помнится, видел я его, представлявшим в каком-то самодеятельном театре пантомиму в черном трико.

Он узнал меня. И воскликнул торжественно на весь салон:

— Беспяткин, вот ты где вечерами жизнь транжиришь!

— Да не транжию я ничего, вот Марина рядом, маляр. И хорошо нам, — возразил я миму.

— Да я вижу, как вам хорошо, ты работаешь на стройке, да? — подсел к нам артист.

— Да работаю, а ты как, гастролируешь,творишь? — перевёл я тему.

— Нет, Беспяткин, я в пути, соединяю я, понимаешь? — ответил он, почесывая небритый подбородок.

— Нет, не понимаю, чего можно в наше время соединять. Пролетариев почти не осталось. Карлу Марксу работяги не верят. Тьфу, блядь!

— А ты вот всё о своем социализме бредишь, а дальше носа не видишь. Ведь мир испокон не меняется, только картинки разные мелькают, напоминая о времени. А его нет, времени этого, есть только вера и Господь, — мим указал пальцем на мутную лампочку в потолке.

— Ну, понеслось, — вздохнул я.

— Ничего не понеслось. Я вот свободен и когда соединю всех двенадцать этих, ну ты понял, мы к истине придём и добро как-бы победит тьму, — упёрся мим.

— Апостолов, значит. Ну-ну, соединяй на здоровье. Нам скоро выходить, — обрезал я нить разговора.

— Эря ты так, Беспяткин. Вот вы сейчас как Адам и Ева в пустом мире мчитесь, незнамо куда, а Сатана уже вам яблоко приготовил. Но я его обману. Нате-ка возьмите эти две груши и делить вам нечего будет. Возьмите, Марина, ну же, — протянул нам бывший артист, а ныне мессия, две груши - твердые как скрижали.

Женщина взяла грушу. И я грушу взял.

После этого мим нахально отвернулся от нас и пересел на другое сиденье. К тому же троллейбус снова тормознул на безвестной остановке и мы с этими грушами по-быстро му вышли в открытый космос, где-то в районе улицы Будённого.

Там, по пустырям, носились мокрые ветры со звёздами и качались липы возле круглосуточного магазинчика «Манго». Туда, в это «Манго», мы и отправились. Троллейбус с про-

роком потащился в район хлебозавода № 4.

Уже на ступеньках магазинчика нас прорвало безудержным смехом, словно на концерте старого комика Петросяна. Мы смеялись так, что любой поп предал бы нас анафеме, не раздумывая. Тут у «Манго» закончились все религии и веры. Я вам точно говорю.

Потом я купил всяких вкусных гадостей и родной набодяженный портвейн в двух баклажках.

— Марина, ты не сильно торопишься, мы можем встретить ночь вином за остановкой, а потом я покажу тебе тайны городской тьмы, — предложил я, словно рыцарь.

— Показывай, чего уж там. Только не говори слово «свидание», от него тошнит, — ответила она, качнув ресницами.

— Тошнить не будет, у меня вот есть ведерко кислой капусты, — гордо ответил я.

Мы пили за остановкой два раза, закусывали сыром один раз и ни разу не поцеловались. Вот это я понимаю — общение двух потерянных душ в первозданном хаосе. Вот это я понимаю — не проси и не завидуй. И осенняя ночь улыбнулась нам мерзкой гримасой преступного элемента.

А нам всё нипочём. Марина отдала мне свою грушу, а я на всякий случай сунул её в карман. Остальные продукты были в пакете и мы вышли на дорогу.

Я достал «Нокию» и набрал номер.

— Аркаша, вы там наигрались уже? — спросил я.

— Давно уж бухаем в музее, где ты бродишь? — ответило в трубке.

— По краю вселенной мы тут идём и видим, как драконы из яиц вылупляются, — ответил я искренне.

— С этой в чёрном платье, что ли шпишишься?

— Какая разница.

— Да так ничего, только тебя тут один из аула искал и ещё двое с ним, злые как черти, зачем ты его утопить хотел?

— Никто никого не топил, а с Амиром этим я договорюсь. Знаешь ведь, как я договариваться умею.

— Да знаю, но я-таки пробью, что это за крендель.

— Не помешает, бро.

— Ладно, если что звони, прикроем. Ключи от Рая забрал, не?

— Забрал, — вздохнул я и отключился.

Напротив меня стояла Марина с пакетами - как гном в красном плаще. Она смотрела в мои глаза серьезно и испуганно, что ли.

— Привет, солнце! — воскликнул я, не выдергивав взгляда.

— У нас проблемы? — спросила она.

— У нас два пакета еды и портвейн, может ли это быть проблемой? — засмеялся я. — Нет, не может. Ибо я вижу, как приближается к нами бомбила.

И ведь подъехал ночной извозчик на белой «Ладе». И помчал нас на левый берег к парку Металлургов. А там...

А там мы поднялись на второй этаж недавно отремонтированной «сталинки» с колоннами и тяжелыми балконами. Я достал ключики и открыл врата Рая. А в Раю всегда, всегда тепло и диван с телевизором в наличии. А еще санузел там отдельан плиткой с дельфинами.

— Вот это хоромы, — удивилась Марина.

— Тут много путей сходится, знаковое место, — таинственно шепнула я.

На кухне урчал холодильник «ЗИЛ» с легендарной металлической ручкой. Да тут вся кухня была легендой. Гитарист Лёша Мязин не смог пропить эту квартиру благодаря чутким товарищам и собутыльникам вроде меня. Вот это называется — коллективизм. Вот на этом можно строить фундаменты бесклассовых обществ - хоть по Марксу, хоть по кому еще.

В этой квартире даже рождались дети и умирали взрослые. Тут призраков было больше, чем в шекспировских замках. Если неправильно мешать напитки и закусывать фастфудом, то эти фантомы будут преследовать вас даже в подъезде. Но я то знал толк в алкомиксах и давил бургеры подошвой при каждом удобном случае.

Я знал, где стояла посуда и как включить телевизор с помощью тапка. Короче, расселись мы с женщиной — маляром на

широком диване, как в президентском дворце или, к примеру, в коридоре областного наркодиспансера.

Мы выпили по рюмке портвейна, побарабанили пальцами по столику на колесах и только потом я взял гитару.

От дождя никуда не денешься,
От него нам скрываться надо ли?³
А в лесу все искрится, веришь ли?³
То алмазы на ветви падали.

Песни про дожди всегда катят в компаниях или же тет-атет. У Шевчука тоже про дожди и осень есть много чего, у Цветаевой стихи. Да мало ли у кого! Главное, сейчас, в этой уютной квартире с коврами соединились лютая лирика, обвороты спирта и непогода за окном. И, замечу, безо всяких там апостолов соединились.

Марина слушала песни и моргала длинными ресницами словно фея. И зрачки её были коричневы, а щеки розовы.

Вот интересно, на работе она колёр для водоэмulsionоники как подбирает, шприцем или на глаз просто?³ А валик шерстяной или поролоновый?³ А спецодежду им в конторе выдают или сами покупают?

Я не жду от дождя спасения.
Я не жду от любви идиллии.
Просто есть эта жизнь осенняя,
Просто где-то уснули лилии.

Гитара молчала в углу, холодильник храл в кухне, а мы горизонтально двигались друг по другу, сплетая руки в волнительные узлы. Целовались мы небрежно, но долго и счастливо. То, что влекло нас возле той, пустынной остановке на улице Буденного, взрывалось сейчас сладкими фейерверками на плюшевом диване.

Если вы думаете, что вот сейчас я начну описывать как ебутся люди, то вы ошибаетесь. Я ничего описывать не буду.

На то есть серьёзные писатели с либеральными взглядами на гражданское общество. Пусть они и пишут, а я лучше телефон отключу, чтоб утром встретить без суэты...

Позже мы смотрели телевизор, в котором показывали старый фильм «Весна на Заречной улице». И есть нам не хотелось. И пить тоже не хотелось. Мы просто ждали, когда на экране грянет первая весенняя гроза и люди по-прячутся в беседку. Обнявшись, мы просто ждали сна и этот сон наконец пришёл, открыв квартиру собственным ключом.

* * *

Мы проснулись рано. Весь мир проснулся рано, включая коммунальные службы с трактором-убийцей и воробьёв, орующих друг на друга. За окном *ещё* гуляла тьма.

Марина ушла в ванную, а я выпил вина, доел капусту и посмотрел в окно. За окном качались мёртвые ветки тополя и больше ничего не качалось. Сегодня выходной и бежать куда-то навстречу гражданскому строительству на хуй не упало. Всё логично шло к дневному безделью и возможному походу в кино вечером. Но вышло не так.

— Мне пора домой, — возвестила Марина, вытирая мокрые волосы.

— А портвейн, а прогулки в парке? Много чего можно сделать для настроения, не правда ли? — малодушно заныл я.

— Мы *ещё* погуляем, но сегодня мне надо домой, — спокойно сказала.

— Я провожу тебя, — вскочил я в трусах, на босу ногу.

— Лучше вызови такси. У меня ребёнок с бабушкой, пропнётся скоро. Пора мне, — ответила она на мой порыв.

Ну, вот всегда так. Всё в этом мире не одиноко и связано всякими там узами. Я тоже связан, но всегда найду кусочек пустоты для крестовых походов. Женщинам походы вообще вредны. Им и трудней поэтому.

Я не стал спорить и вызвал такси.

* * *

Всё-таки я проводил Марину до машины.

Вернее, не так, до машины я её не довёл. На первом этаже её убили. Ножом убили. И меня убили, но не ножом, а трубой какой-то. Не насовсем грохнули, а так просто - свалили в беспамятство и боль.

На ступеньки с трещинами упал я, запомнив туфли с острыми носами в количестве трёх пар. Запомнить-то я запомнил, а встать не смог, пока врачи не приехали с ментами. Тогда я и мобильник включил и голосовую почту прослушал, ушами, в которых гудели плавающие басы.

Звонил мне ночью Аркаша с ненужной более информацией: «Съёбывайтесь с хаты! Гардеробщик, сука, слил вас арам, а те бухие и злые как бесы...»

Ничего я милиции не сказал, не ихнее это дело. Я даже самому себе ничего обещать не мог. Ведь тут и обещать нечего, кроме мести и всяких там ещё кровавых возмездий. Разберёмся, чего уж там. Да и мелочи всё это. Никому не нужные мелочи, как моя разбитая голова.

И только две груши, обнаруженные в кармане, куртки я оставил для будущей осени. Оставил потому, что вот это уже не мелочь какая-то, их никто делить не будет, я точно знаю.

(2017 г.)

ЛАРЁК

Купили мы этот ларёк аккурат 15-го декабря. За пятьсот долларов. Вместе с оборудованием для разлива пива купили.

Зима. Выюга. Холод — аж пиздец! Какое тут, нахуй, пиво? Да и сам киоск располагался на конечной остановке автобуса № 2. Тут только местные из частного сектора и дачники. А где взять дачников в это время года?

В общем — трагическая глупость и утопия. Пивной бизнес пшикнул и погас, как мокрая спичка.

Мы купили кегу с «Жигулевским» и, включив тэн на 1,5 кВт, сели в тягостном молчании.

Влад «насифонил» две кружки свежего напитка.

— Ну, и хуле, теперь? — спросил я в его сторону, прихлебывая пива.

— Пиво пить, — куртуазно ответил Влад.

— Какое блядь, пиво?

— «Жигулёвское», мы ж теперь бизнесмены, ну типа ИП.

— Мы идиоты — предприниматели, нам надо пиво продаивать и гнаться за прибавочной стоимостью. Ты чего, Маркса не читал?

— Не, я больше фантастику и Бёрджеса. А пиво заебись.

— Пиво хорошее, а вот наше предприятие совсем не заебись!

— Всё устроится. Не ссать, клиенты будут.

Я приоткрыл окошко и ткнул пальцем в серую мглу.

Вне уютного киоска носились ветры и снежные плевки. Проехал какой-то бедолага на «Ниве». Скоро Новый Год. Но это не принесло мне облегчения.

— Ты хоть смотрел на улицу, любитель фантастики? — продолжал я либерально ныть.

— Да зима там, выюга и холод. Это разве не характерно для второй половины декабря? — бил меня Влад фактами, наливая вторую кружку.

— Конечно, зима и мороз с осадками. Чего делать будем?

— Пиво пить...

— Тыфу ты, блядь!

Влад обладал удивительным качеством — ему всегда и везде всё было похуй. Ну просто абсолютно. Я, граждане, никак не могу это понять.

Он втянул меня в эту дрянь с покупкой пивного ларька. Он убедил, что на пиве ещё никто не «прогорал». Это золотая жила, источник богатства и процветания. И я «повёлся».

Бросил я воровать органические удобрения из обанкротившейся «Сельхозхимии». Ведь всякие суперфосфаты и аммофосы, селитры и нитраты — реально приносили три «штуки» в день минус бензин. Жить можно.

И тут появился Влад с диском «Doors». Размахивая руками, развернул мне картину вселенской гармонии, если мы купим неожиданно подвернувшийся пивной ларёк.

И вот мы сидим тут, словно троцкисты какие-то и ждём мировую революцию, которую Сталин уже давно отменил раз и навсегда.

— Все просто, Беспяткин, скоро должен прийти один человечек и наш бизнес покатит, — заговорщически прошептал он.

— Какой ещё, бля, человечек? Чего ты несёшь? — закипал я.

И тут в железную дверь киоска кто-то умеренно постучал.

Влад вскочил, расплескав пиво.

— Это он! — воскликнул мой напарник по бизнесу.

И тут же он, звякнув металлическим засовом, распахнул дверь.

В помещение ворвалась подлая зима и хорошо знакомый мне главред детского журнала «Золотой ключик» Зубов. В руках он держал увесистую, большую дорожную сумку. В сумке что-то звякало и угловато топорщилось.

— Бог в помощь! — сразу заорал он.

— Конечно в помощь, — вторил ему Влад.

— Ты чего такой кислый, Беспяткин, — обратился ко мне Зубов.

— Да так, ничего, присаживайся. Бога нет, если что, — ответил я, понимая, что сегодня мы будем пить не только пиво.

Но я жестоко ошибся. Когда Зубов проглотил полторы кружки нашего «жигулёвского», он полез раскрывать свою объёмную сумку.

Вместе с Владом они вытаскивали на свет знакомые всем российским гражданам части фантастического самогонного аппарата. Разложив все эти змеевики и крышки на полу, Зубов выпрямился и торжественно сказал:

— Сегодня менты придут, а аппарата нет. Но мы не привыкли отступать, самогон будем здесь гнать!

— Поэтище, блядь, поэтище! — воскликнул Влад и зашипел краном, наполняя очередную кружку.

— Вы ёбнулись, братцы, какой самогон! Это киоск для продажи пива и орешков. Нас не просто закроют, нас административно выбросят посредством штрафа! — праведно возмутился я.

— А до 31-го брага и не созреет, а в Новый Год всем всё похуй, — профессионально обломил меня Зубов.

— Ну что я говорил? Бизнес не умрёт! — подхватил зубовский позитив Влад.

— Ну да хуй бы с ним. А где клиенты? — не унимался я.

— Клиенты будут, — таинственно ответил Зубов.

— Ну, как угодно. Самогон так самогон, — сдался я и потянулся к крану.

В этот вечер мы собирали аппарат и допили все пиво. А его (пива) было много. Домой я вернулся посредством неизвестной мне телепортации и напрочь забыл обо всём.

* * *

Оставшееся время до Нового Года мы провели в трудах и заботах.

Я оборудовал ларёк дополнительными полками и завез всякую необходимую закусь.

Зубов напечатал в типографии специальный выпуск детского журнала «Золотой ключик», где на обложке красовался бородатый Санта Клаус, и было написано: «Шутка от Деда Мороза — настоящий пшеничный самогон для настоящих россиян. Сказка только начинается!». Далее шли наши адрес и карта проезда. Всё это украшалось снежинками и колокольчиками.

— Взрослые часто читают детям наши сказки и рассказы, тираж большой, так что должно сработать, — уверял меня Зубов.

Влад разносил журнал по дворам и подъездам, проводя ещё и устную агитацию. Потом он бежал в подвал и проверял готовность браги. У него был свой рецепт с применением овса и какой-то ультрасовременной дрожжевой смеси.

В итоге гнать самогон мы начали за три дня до великого праздника Зимы. Это был процесс становления нас как личностей. Если ты не наркоман иль там сектант какой, то должен уметь работать с самогонным аппаратом. Ну, может не с таким как у нас, но хотя бы самым простым из ведра и пластиковой пятилитровой баклажки в качестве охладителя.

У нас был настоящий полуавтомат. При достижении необходимой температуры 72 градуса он автоматически, посредством реле, регулировал нагревательный элемент. Вдобавок, вся перегнанная жидкость проходила через угольный фильтр и специальный сепаратор. В итоге мы на выходе получали идеальный самогон с легким амбре - как в книжках у французских классиков. Его мы разливали по стеклянным бутылям и запечатывали, как редкий коньяк.

Мы почти не пили и мало ели. Мы стремительно врацдали планету навстречу Новому году.

И вот, наконец, последняя бадья с брагой заряжена для любителей свежатинки и Влад сказал: «Пиздец, завтра произойдёт вселенское чудо и мне трудно сейчас говорить...».

* * *

Для меня Новый Год начался с утра.

Заорали дети под окнами и по-военному грохнула китайская петарда. Я вскочил с постели и ощупывая себя на ходу на предмет ранений, успешил в сортир. Там уже сидел кто-то из родственников, приехавших в гости. Бля, почему всегда так? Сортиры, как доменные имена — постоянно кем-то заняты.

Я подошел к окну и увидел мир. Ослепительный снег, яркое солнце, редкие прохожие, торопливо снующие в преддверии праздника — обычная картина. Но сердце всё равно сжимается, как и много лет назад в детстве, когда веришь в домовых и Снежную королеву.

Потом я вспомнил про ларёк и к тому же невидимый родственник сыграл кавалерийский сбор на унитазе. Пора умываться и изменять среду. Ещё столько дел.

* * *

Мы развернули ларёк как рождественский подарок и он засиял гранями из профлиста (волна 10 мм). Влад периодически отбегал на специальное расстояние и чмокал губами. И было от чего.

Возле ларька мы установили трехметровую ёлку, а под неё поставили украденного из ДК громадного Деда Мороза с носом запойного олигарха. На ёлке красовались разные домашние вещи и какое-то бельё. Под ней стоял обрезок профлиста с батальоном стаканов из столовой с номером 40.

Вскоре пришел Зубов и сказал, что он умеренно доволен таким гламурным дизайном. Потом мы занялись аппаратом. Время летело незаметно. Наконец, стало темнеть.

Первым к ларьку подошёл участковый Паша.

— Ну и как это называется, а? — совсем не грозно спросил он.

— Всё для человека, всё для мира на Земле. Не угодно поймать волну, товарищ капитан? — расплылся в улыбке мой образ.

— Беспряткин, ты всегда такой наглый? — как бы успокаивая себя, гаркнул Паша.

— Заебал, ты бля, держи стакан, — разозлился я и сунул в твёрдую милицейскую руку волшебные грани.

Участковый выпил нашу самогонку антисанитарно, но до дна. Его лицо покраснело, побелело и, наконец, восстановило истинный пергаментный цвет. Он улыбнулся зубами внутренних дел и сказал по-голливудски: «Я еще зайду, и чтоб без всяких там...».

После него почти час никого не было.

И вот в оконце постучали скромно, но со вкусом. Влад открыл амбразуру и наклонился как мажордом.

— У вас бухлом торгуют? — раздался низкий, бандитский голос.

— Самогоночкой-с пшеничной по технологии бурятских шаманов, — тоном менеджера по продажам пиратского софта ответил он.

— Лей три стакана, если палево — пиздец всем! — раздалось в окошке.

Я на всякий случай достал ижевский обрез с патронами на кабана. Но это было лишним. На улице уже раздавались кряканья и втягивания носами. Последовали предложения повторить.

Влад заботливо укладывал выручку в коробку от чипсов. Клиенты долго стояли у ёлки и громко базарили о каком-то чушке по кличке Канадец. Потом они запели что-то из Круга и стали плясать возле Деда Мороза.

Одного из них я узнал. Местный заправила «бычьей» бригады Остап, которого я научил трем блатным аккордам ещё в школе. Он пошёл дальше и вместо аккордов сам стал блатным. Интересно, почему они сейчас не в сауне? Я высунулся

из окошка и спросил его об этом.

— А, Беспяткин! Заебись, братва гуляет, — ответил он и, слепив снежок, запустил им прямо в меня.

Свежий снег остановился на моём лице и я вернулся в нутро торговой точки.

Пацаны шумели ещё очень долго. Потом один из них свернулся калачиком под ёлкой, а другой вместе с Остапом упиздил в сторону цыганских кварталов.

И тут как прорвало.

Проводив Новый Год в кругу семьи, к нашей ёлке стекались побитые жизнью мужчины и наказанные возрастом женщины. Вскоре подтянулись молодые и счастливые. Все совали в окошко мятые «сотки» и весело требовали радости и перца.

Мы сбились с ног. Зубов не успевал откупоривать бутыли. Влад уже не рассыпался в многословных предисловиях. Он тупо, по Марксу, менял самогон на деньги.

Зато за пределами ларька царило римское гульбище. Подростки пуляли в небо салютами. Визжали самки разных возрастов и сословий. Мужики братались и тут же ебали друг друга по фотокарточкам. Кровь долетала даже через окошко.

Вскоре пришли два гармониста и вечеринка стала креативной. «Развернись душа! Эх, бля! Ну-ка, девки, посторонись!», — летело оттуда, из мира вне ларька и самогонного аппарата.

Влад достал вторую коробку из-под чипсов. Зубов героически гнал «свежак». Я капиталистически торговал закусками из сельди, хлеба, огурцов и лимонов. Голова кружилась от прибавочной стоимости и буржуазной стабильности.

Но вдруг я почувствовал, что мы теряем что-то очень важное и хорошее. Блять, ведь мы просрали Новый Год! Мы видели его только через окошко нашего ларька и то весь праздник заслоняли товар и деньги. Проклятый капитал!

А за окном играли в «слона» и какая-то шалава плакала у прилавка со стаканом в умелых руках.

— Вам плохо, гражданка? — спросил я у девы.

— Мне просто пиздец как плохо! — ответила она.

— Может вам не стоит пить крепкие напитки, иль сок хотите из под манго? — допытывался я, ежесекундно отстраняясь, пока Влад спаивал народы.

— Я хочу счастья и чёрные стринги, — хныкала люмпенша.

— Ну, стрингов мы не держим, а счастья сколь угодно, — радушно пел я.

Зубов ехидно ухмылялся, катая во рту вонючую сигарету. Влад толкнул меня и грубо рявкнул:

— Открой дверь, Беспяткин. Впусти даму в чертоги!

— Действительно, вали к нам, милая, на халяву, — предложил я просто и буднично.

Она внесла в наш ларёк запах Зимы, Нового Года, неопределённых духов и жевательной резинки с ментолом.

— Раздевайся, здесь все свои, — крикнул я, подавая очедной бутерброд сталевару Шкрябову.

Потом я считал сдачу и резал огурец.

Когда я повернулся в сторону нашего быта, Прекрасная Незнакомка уже делала красиво Зубову. Сам главред с надеждой протянул мне последнюю емкость с самогоном и вернулся к разврату. Он даже успел выключить питание аппара-

та. Очень ответственный человек этот Зубов.

Влад лавировал между розовой, несчастной попкой и прилавком, всё чаще и чаще задерживаясь у этой самой попки.

Наконец я остался один на один с народом и Карлом Марксом.

Это серьёзная задача. Пока Влад делился счастьем с нашей снегурочкой, я вращал колесо праздника. Люди хотели совсем не много, но часто. А за моей спиной разворачивалась настоящая римская оргия.

Душевные звуки нашей гости и сопение работника детского журнала заставляли меня скрипеть зубами. И ещё этот Влад со своими «Во-во, милая, хорошая девочка. Да вот так и не иначе...».

— Я заёбся тут, граждане. Последняя банка осталась, — не выдержал я.

— Все кончено, милорд, — отрапортовал Влад. Застегнув ширинку, он надел фартук.

Мгновением позже, Зубов вынырнул из под проститутки и принялся упаковывать коробки с выручкой.

Я, возбуждённый и освобождённый подошёл к объекту ебли. Объект спал самым наглым и счастливым сном источника жизни. Её, ещё не испорченное работой тело, покоилось на громадном, толстом овечьем тулупе Влада, как младенец в святой купели. Это было что-то из голландской, салонной живописи XIX века. Это был шедевр. И его писали маслом...

* * *

— По-моему, народ разошёлся, — буднично промолвил Влад, отпрянув от окошка с мятными рублями.

— Да, похоже на то, — добавил Зубов.

— Сколько бабла, охуеть! — восторгался Влад, переставляя коробки из-под чипсов.

Потом мы вместе стали наводить порядок сначала внутри ларька, потом снаружи. Бля, чего там только не было! Баклажки, стаканы, мятые пачки от орешков и сухариков, хлебные корки, останки петард, блевотина, кровавые пятна и

чья-то разорванная шапка. Ёлка стояла явно не под прямым углом, но стояла. Деда Мороза кто-то спиэдил, как и положено на такого рода праздниках.

Неожиданно откуда-то слева из снежной завесы вынырнул участковый Паша.

— Ну что, всё в порядке? — сухими губами выдавил он.

— Всё просто о'кей — ответил я.

— Тогда наливай, а то мне в отделение идти, сдавать дежурство, — торопливо сказал он, перебирая ногами сложную головоломку.

Двести грамм нашего пойла восстановили его служебный статус и успокоили второе «я». Он побрел между фонарей в сторону цивилизации. Усталый ветер гонял по снегу пластиковый стаканчик.

Мы вернулись в киоск. Проститутка по-детски сопела в тулупе Влада.

— Хуй с ней, пусть спит, я в такси и без тулупа, — отмахнулся его хозяин.

— Сейчас вызову «тачку», — сказал Зубов, доставая мобильник.

— Стоп, стоп, а я тут что, за караульного? — возмутился я.

— Не кипятись, Беспяткин, всё под контролем, — попытался успокоить меня Влад.

— Ни хуя не под контролем, далеко не под контролем! — пытался я докричаться до небес.

— У тебя родственников полон дом, все деньги попиздят, — добил меня Зубов, успев таки вызвать нужное такси.

— А у меня дом — крепость на вневедомственной охране, — бил дальше Влад.

— С утра мы за тобой, как коньки-горбунки перед травой, — нашёптывал в рифму Зубов.

— Кстати, чего там насчет «травы»? — уже тихо спросил я.

— Обижаешь, — ухмыльнулся Зубов, положив мобильник в карман своих главредовских штанов.

Я захлопнул за ними дверь и постоял минуту, привыкая к пустоте. Раздался приглушенный шум мотора и невидимое

такси умчало моих компаньонов в спальные районы с охраняемыми квартирами.

Я подошел к прилавку и приоткрыл окошко. Свежий воздух пlesнул мне в лицо живительной силой. Я налил пива в кружку и сделал жадный глоток. Где-то рождался день. Здесь, у окошка маленького пивного ларька, засыпал я, чему-то улыбаясь и соответствуя.

— Новый Год должен быть необычным и запоминающимся, это же не день флага иль там конституции, это волшебство, — думалось мне в проёме из профлиста.

Я понимал, что не было никакого волшебства, просто мы заработали хорошие деньги, пользуясь подходящим моментом, но все же это как-то по-другому, иначе.

Допив пиво, я старательно разделся и, откинув полог громадного Владова тулупа, нырнул в гнездо, где трепетно спала счастливая снегурочка и ее кожа была тепла и неожиданна.

(2008 г.)

ЛАВОЧКА

Я проснулся на лавочке этой весной. На лавочке. Весна была рядом и хлестала меня по щекам мокрыми ладонями или какими-то тряпками. И подумал я, что это хорошо.

Ну согласитесь же, что просыпаться на лавочке зимой в морозе, в снегу и в одиночестве — дрянь, по-моему. Летом ещё хуже, как впрочем и осенью. Какой дурак просыпается летом или осенью?

Иное дело весна. Вечер, дождик ленивый тренякает по асфальту водяными шариками и на остановке люди по-всякому автобусы ждут. А может и я жду свой автобус, следующий куда-нибудь в пункт «Б», где стол накрыт к ужину и в сортире ландышами пахнет? Ну, весна же.

Только вот одно неприятное чувство першило у меня в сердце, гаденькое такое подленькое чувство. Ведь присел я на эту лавочку аккурат после того как вышел из кафе «Ромашка».

Да, я знаю, что выпил там вермута три стакана и съел бутерброд с котлетой. Ну, вы наверняка тоже знаете, что ничего другого там в это время быть не может.

Дальше пошёл я вдоль улицы Ушинского в сторону ДК, где намечалась дискотека и всякое там антисоветское поведение. Долго шёл я вдоль этой самой улицы не потому, что ослаб там или совесть потерял. Нет, конечно же. Я шёл и думал о том времени, когда не будет войн и стяжательства, бессмысленно-го пьянства и продажной любви.

Вот в моей стране этого нет, а в странах частного капитала есть. Надо придумать такой вот луч специального назначения и выжигать в иных мозгах тлетворные мысли, которые не ведут к полётам в космос.

Ещё я думал, что сегодня Лизка даст себя поцеловать, а может быть и ещё чего даст. Про комсомольское собрание думал, где меня «разбирать» будут - как антисоциальное явление. Коллективом бороться будут с личностью и, я считаю, правильно. Впрочем, я знал, чем это закончится. Но не подозревал, что дурак - я.

Мне на эту лавочку садиться не стоило и всего делов-то. А я сел и даже глаза прикрыл, как в индийском кино. И не весна то была, а самая та, слякотная, серая осень.

Понятно, что проебал я многое, но обидно, что на дискотеку так и не попал. В милицию да, попадал, по парку бежал, стекло разбивал, яблоко в городском саду надкусывал.

Да я всю жизнь помню, полную подвигов и малодушия! Всю эту пламенную жизнь помню с падениями на ступеньки и пыльные лампочки в чужих подъездах. Женщин помню и поцелуи под ивой у речки. Тёплый живот и святые места помню. Только не жил я вроде, а тихо сидел на чёртовой лавочке с глазами, как в индийском кино. Я, наверное, спал.

И вот этой весной, сейчас вот, я проснулся и увидел, как две пьянейшие мадам тыкали друг другу в груди сумочками и хрюпло говорили: «А ты вот, встань на моё место, послушай и пойми, что этого козла я видеть больше не могу...»

Чуть подальше, слева, усталый лысый гражданин пил пиво и шептал что-то тугое в окружающее пространство. Рядом с ним урчало такси, водитель которого играл на смартфоне в умную игру с какими-то кубиками.

Из вечерней пивнушки вышли трое в спортивных штанах, мятых толстовках и с пакетами в руках. Они потоптались у порога и, перейдя улицу, присели на лавочку супротив меня и тех двух гражданок. Мимо нас промчался призрачный байкер, словно внезапно обезумевший толстый шмель. А за киоском из тонированной «Приоры» заорали «Чёрные глаза-а-а». От

этого стало ещё темней на улице моей. Те - трое с пакетами, уже глотали пойло и чавкали, словно собаки. Воняло рыбой и выхлопными газами.

Я всё-таки решил встать и продолжить начатую жизнь. Но в этот момент лысый гражданин с пивной бутылкой заорал на всю площадь: «Да пропади оно всё пропадом!»

С лавочкой ему посоветовали заткнуться, а таксист отъехал метров на двадцать вниз по улице. Из «Приоры» заходили кавказские пленники и мир снова вернулся в стойло.

А я подошел к женщинам и спросил:

— Кто из вас Наташа?

Наташ, к сожалению, не оказалось, даже Елизавет не было. Вот почему всегда так? Только подумаешь о любви, а выходит ерунда какая-то.

В это время к остановке подошёл автобус и распахнулся весь. Откуда-то справа подбежали растрепанные подростки и громко загрузились в салон. Автобус уехал в иные миры, а мы тут остались друг другу не интересные.

Вот хоть и проспал я долго, но в карманах у меня были деньги и деньги хорошие, для жизни после ухода автобуса.

— Э-э, пацаны! А сколько нынче стакан «самодельной» стоит? — спросил я у спортивных штанов.

— Пятьдесят рублей, — ответили штаны.

— А вон в том кабаке водка есть?

— Есть, но дорого.

Я пошёл туда, где дорого, где мигают цветные лампочки и пахнет винегретом. Там мне налили водки. И только тогда я понял, чего не хватает миру и весне. Да красок, смеха и небременительного мордобоя! Поцелуев не хватает и милицийских или полицейских голосов.

Я прикупил всякого достойного алкоголя, вкусных закусок и вернулся к лавочкам, полный благодати и всепрощения. Я знал, что больше не присяду на лавочку никогда и ни по какому поводу.

— Люди, вот вам всё и выкиньте свое пиво в урны, — сказал я, преподнося дары.

И люди повернулись в нужную сторону и весна приказала дождю заткнуться, чтобы не мешать.

Ну, не мне вам рассказывать, как пьют незнакомые прежде люди. Наверняка, вы пили с посторонними и говорили о бабах. А если рядом были бабы, то вы пили за них в надежде подъебнуться за киоском «Роспечати» - с той весёлой блондинкой, например.

Скоро на лавочках заспорили о правительстве и об ОСАГО.

Люди прибывали из всевозможных щелей и тёмных сторон света. Там были и молодые красивые потаскушки, и грубые небритые работяги. Даже какой-то кавказец из соседней «Приоры». Он пришёл один, но с собой принес какие-то скрученные рулеты с барабаниной.

— А вы там включите что-нибудь повеселей, Стаса Михайлова или Сердючку какую, — просил народ южного гостя.

Тот исчез и вскоре на остановке ревело: «Для тебя-а, рассветы и туманы, для тебя-а... моря... и океаны-ы-ы!».

Граждане свободной страны плясали вдоль и поперек себя. Светились мобильники, а на клумбе кто-то громко блевал шпротами. И были краски, и был смех. Не было только мордобоя, но для этого должны быть предпосылки. А до них ещё далеко.

Сразу за красками и смехом следует разврат. Это не я придумал и не мне оспаривать. Под грустную песню Макса Фадееваочные люди создавали пары и шептали слова. Те, кому пар не хватило и шепот был противопоказан, спорили о предстоящих выборах и какой-то экономической жопе. А о чём ещё можно спорить весной 2018 года?

Я целовал худую, жилистую деву в джинсовом костюме. Её рыжие волосы, подобно страусиным перьям, щекотали мне шею, а трудовая грудь давила на сердце. Мы топтались у тумбы объявлений, словно сами что-то объявляли себе или миру.

Но это не было так волнительно и волшебно, как с Лизкой, которую я так и не встретил тогда у ДК. Это было просто «в мире животных». Уйдя на обратную сторону тумбы, мы

торопливо приспустили то, что надо приспустить и так же, по-быстрому, сделали то, что и следовало сделать в этот весенний вечер, когда автобусы ещё ходят по маршруту в эти чёртовы пункты «Б».

Вернулись мы порознь и забыли обо всём в компании пьяных граждан моей Родины.

А граждане уже держали друг друга за майки-куртки-толстовки и размашисто наносили удары в сладком хмельном упоении. Кто-то визжал за киоском, а кто-то пел про коня.

Весна ласково вплетала в свои волосы все эти «ленточки» и «фенечки». И дело шло к ночи. Кто-то из соседних домов вызывал внутренние органы и праздник стал гаснуть.

Первой умчалась «Приора» с «Черными глазами», вторым таксист с парочкой клиентов, кого-то загрузили в «буханку», а остальные разбрелись по сторонам, словно парламентарии после выборов или пилигримы какие. А на пустынной остановке по асфальту каталась пластиковая посуда и на лавочках стояли бутылки, выпитые напрочь и без обид.

Шелестели пакеты и где-то в тёмном углу парка, чей-то умный голос говорил кому-то не особо умному: «Вот все говорят красота спасёт мир. Глупости. Зачем его, собственно, спасать? Кто просил? А если даже предположить, что его всё-таки спасать надо, то почему красивым это дано, а некрасивым — фигу? Может она не красива, но борцы варит и конёй там на скаку... - ик... - приветлива и скромна. Ей что, мир доверить нельзя? Много всяких гадостей в мире есть и ещё спасай его... Ик...»

А я стоял у окна со стаканом чая и смотрел, как ночь посыпала Землю пеплом. Рядом лежал телефон, по которому я вызывал полицию.

Заебали эти «синие» мероприятия под окном, на остановке. Чуть ли не раз в неделю «гудит» народ, словно готовится к смертной казни или там потопу какому. Тыфу, блядь!

То ли дело раньше. Зайдёшь в «Ромашку», «завалишь» пару-тройку вермута, закусишь котлеткой и на танцы под «Бони-М». Ну, там, конечно, и подраться случалось и по

кустам побегать, но свободно как-то бегалось. Главное, на лавочку не присаживаться после вермута — сморить может.

Я допил чай и пошёл в спальню, а то Лизка если проснётся, опять шипеть будет.

(2017 г.)

ГУСИ

Я пришёл на кладбище не просто так. В такие места вообще просто так не ходят. И не бегают. Я же прибежал извне, гонимый неприятным чувством навроде страха. Нет, я нешибко-то и боялся этих, с граблями и лопатами, но встреч всяких не желал, уж поверьте. И водосливную плиту, кило так на тридцать, было жалко, и достоинства тоже. А злые слова, вдогонку летевшие, противны были мне, как человеку с паспортом и пропиской.

Да, я крал чермет с дач и гаражей. Да, я - не пример для поколений и опустившийся на дно патриот. Но разве вы - там, в правлениях и чёрных похабных лимузинах - лучше? Да ничуть не лучше, только чище там у вас, и кофе пахнет.

А от меня пахло всяко, тяжело и политически безграмотно. Но зато я вдыхал воздух с дымком, и дачников на дистанции объебал в разы.

И вот на кладбище я промеж могил кружил подобно ящеру, да на чужие мёртвые лица смотрел.

Вот если отправился какой гражданин по светлой дорожке в сырую землю, так и уравнялось в мире нечто материальное и духовное. Все мы тут на весах, словно гуси, лежим, а супротив торгаша гирьки перебирают. Насколько ты, к примеру, весомей, чем Бродский какой, иль Черчилль? Кто природе более полезен, и кого она примет с радостью, а кого - с омерзением? Вот о чём думал я, пока не присел на скамейку, синим цветом

выкрашенную, в окружении венков от родных и близких.

Красивая женщина смотрела на меня со свежего лакированного креста. И лет ей всего-то - тридцать пять. Чёрные волнистые волосы, глаза-смешинки с длинными ресницами, ямочка. Померла, значит. Или погибла. Да какая, собственно, разница. Весы качнулись где-то там, у горизонта, и зацвела первая вишня.

— Привет, Юля! Вот ведь, какая хуйня творится, — обратился я к кресту.

Никто ничего мне не ответил, да и не ждал я как бы.

— Съебал отсюда! Хмырь драный! — громыхнуло вдруг враждебно у меня за правым плечом.

Я, конечно, обернулся, вспомнив про дачников с лопатами. Но нет, не садовод-огородник стоял возле березы с молодыми листьями. Крепкий, с залысинами, гражданин смотрел мне в душу, нервно дёргая молнию на спортивном костюме. В такой одежде не хоронят, значит - живой он. И почему-то полон злых аур.

— Родственник? - спросил я, привставая со скамейки.

— Хёдственник! - честно ответил он мне.

— А чё ты тут в святом месте бранью кидаешься, хамло, блядь? - поинтересовался я аморально.

Я хоть и краду вещи тяжёлые и мне не принадлежащие, но в тихих кладбищенских приютах не терплю бытового непотребства и злых наветов.

Мой гость перестал дёргать молнию и пошёл в бой.

Мы катались меж оградок и венков, словно на корпоративе. Не было только песен Лепса и водки на столе. Да! В борьбе он был подобен Хабибу, но стоило мне выскользнуть из цепких захватов, уж я стал подобен Мак Грегору. Да и выдохся он как-то быстро. Я бил его дальними и успокоил на маленькой могилке неизвестной бабушки в белом платочек.

— Хорош махать, дай отдохнусь! — устало крикнул он мне, взъерошив редкие волосы.

Я стоял молча, ожидая подлой хуйни. Но не дождался.

— Зла во мне много, жалко мне эту Юлю, но сама вино-

вата, — сказал он, обращаясь к неизвестной бабушке.

— А что это она виновата? - стало мне любопытно.

Он посмотрел на меня мутными очами и махнул рукой. Этой же рукой он вытер кровь из носа и сопли.

Над нами пролетела кукушка, гонимая тучей воробьёв (прямо, как я намедни). По кладбищу прошелестел вялый ветер, а через дорогу, в дачном посёлке, завыла грубая певица Лобода.

— А то и виновата! — вздохнул боец. — Смотреть надо, кто рядом готов луну с неба, кредит готов, любить готов...

Резанула меня эта готовность, но интересно мне стало, почему слёзы у мужчины вдруг по щекам поползли.

— Тут на могилках можно бухла пособирать, — предложил я.

— Да есть у меня, — сказал он, поднимаясь с гробнички. — Антон я.

Я пожал протянутую руку и представился самолично.

Антон тяжело переместился к той самой берёзе с молодыми листьями и поднял пыльный рюкзачок, в котором звякало. У этой же берёзы, в кустах боярышника, мы выпили водки по сто пятьдесят, закусили колбасой и повздыхали тоже там.

Потом, уже у могилы этой вот Юли, выпили ещё.

— Я могу всё стерпеть - в жизни всякого видел! Но вот с этой, — он ткнул пальцем в фотографию на кресте, — плохо вышло. Хуйня, короче.

— Знал её?

— Недолго. Час, два - не помню.

— О как!

— Да, Интернет ёбаный, - всё зло там! — злобно вскрикнул Антон, доставая водку.

— Согласен, там не просто зло, там блогеры и Роскомнадзор, — поддержал я его.

Мы выпили ещё чуть-чуть и не тронули колбасу. Юля смотрела на нас насмешливо и очень медленно моргала длинными ресницами. Шевелились ленты на венках, и сверху падали какие-то враждебные семена.

— Я жену потерял лет пять назад. Сбил один мажор на Ауди, на тротуаре. Отмазался на «условку», а мне три года, как с куста. Я ж за дело его отхуячил. Но суду похуй. Да всем похуй. Короче, жизнь по пизде, как у тех, кто местью иль там гневом заполнен под крышку. Но отлегло вроде. Дома пусто, правда, но работы много. Сварщик я, паспортлист. Деньги есть. Купил компьютер. Интернет провёл. В «танки» играл по вечерам, в «Одноклассниках» зависал. На работе особо не пообщашься, а тут, пожалуйста, всякого народу полно. Виртуальность, блядь... — неприятно вздохнул мой кладбищенский собеседник.

— Соцсети от сатаны, — согласился я, — как и Windows 10.

Он посмотрел на меня невыразительно, без удивления и интереса. Затем снова заговорил в сторону упокоённой Юлии.

— Ну вот там, в этой, сука, сети, я с ней и познакомился. Вечерами трепались в чате, я «танки» забыл. Да обо всём забыл. Она со своим мужиком разбежалась, в печали тоже. А со мной все мысли наружу, все чувства и там ещё чего. С неделю мы друг другу раны вскрывали, словами обнимались, жалели и прощали, ругались и мирились. Словно в реальной жизни, по-настоящему, что ли. А потом она фотку прислала. Я перед работой смотрел на неё, после тоже смотрел. На заставку поставил. Ей потом свою рожу послал. Она лайкнула. Ты представляешь? — взмахнул руками Антон, словно птица ворон.

— Да, но всё это цифры, нули-единицы, а на том конце провода, живые люди сидят, словно на игле, и забывают, как жасмин пахнет. Знаю я всё это, потому и чермет пизжу! — не удержался я.

— Ну да. Вот и решили мы встретиться в клубе каком-то. Не люблю я эти клубы, там музыка тупая, и мерцает всё, словно электроды сырье. Люди кругом мутные, с красными глазами, бродят друг за другом, как собаки и под хвостом нюхают, — продолжил он.

— Экстази и кислота какая-то. Там в этих мёртвых помещениях всегда такая хуйня. Там водку не пьют, там зависа-

ют, — сказал я, и посмотрел на пыльный рюкзачок.

Мы опустошили наконец-то бутылку и закусили луком. Это вот хорошо. Это всегда хорошо - когда лук есть, а войны нет. Антон продолжил свою историю.

— А мы вот встретились. Обнялись, словно после долгой разлуки. Поцеловались. Танцевать, правда, не танцевали. Там ритм какой-то поганый - тут-тут. Бормочут что-то про вино красное и наркоту. Говно, короче. Я её в бар повёл. Денег много, хуле жалеть. Там в баре коктейли вонючие, но с зонтиками, и названия какие-то странные. Выпили этих странных. Говорили, говорили, говорили... Ну, словно всю жизнь друг друга знали. Бывает же такое. Я-то особо трепаться не люблю, а вот с ней - как в кино. И слова сами подбирались. Только вдруг заметил я, что она молчит как бы, а я говорю в пустоту. Спросил - что не так? Говорит - всё нормально. Выйти ей надо в дамскую комнату. Да не вопрос! Я тут пока меню изучу. Салаты там и мидии какие-то... — Антон вдруг замолчал, думая о чём-то за пределами кладбища. Наверное, о мидиях.

В это время на соседнем секторе захотела выпить. Откуда тут выпить? Тут и болот-то поблизости нет. А может, и не выпить это была, но кто-то захотел - это уж точно. Сварщик очнулся и посмотрел на природную среду пьяным взором.

— Она не вернулась? — спросил я.

— Нет. Я пошёл искать.

— Нашёл?

— Да. С этим её бывшим у колонны справа. Почти у выхода. Они взасос там. Ещё чуть-чуть и начнут шпилиться, словно новобрачные. Ну я и подошёл. Спросил - чё вот тут за хуйня происходит? Этот в костюме ощерился, словно в лотерею выиграл, а меня гнев облепил словно вата. Плытвёт кругом эта жизнь, странная и глупая.

— А она?

— А она говорит мне о том, какой я исключительно хороший человек. Её жизнь перевернула, переосмыслил за неё эту, блядь, жизнь! Помог из депрессии выбраться. Николай её

вернулся и тоже благодарен мне за всё. А хуле мне эта благодарность? Я ж не на поебки пришёл в притон какой, я любил эту тварь в синем платье с блёстками. Глаза её, ресницы, голос и руки. Да что тут объяснять? Получилось плохо. Ты понимаешь? — повернулся он ко мне, словно следователь из Правобережного РОВД.

— Понимаю, хуле. Ты там кого ёбнул, да?

— Нет. Тогда я ушёл. Потом я вернулся. В бардачке нож взял (сам делал по рецептам преступным). Ну и когда вышла она к машине... В общем. Тот Николай только еблом щёлкнуть успел, а я уже дворами до хаты шустрил. Собрал, что надо, и - в бега. По профилю в сетях этих меня найдут быстро. Да найдут, конечно, знаю. А пока не возьмут, я вот тут ошиваюсь. Бухаю, пока есть на что. На киче поскромнее будет. А тут я, как бы, с ней общаться продолжаю. Без Интернета. В живую, что ли. Иногда она отвечает, но всё больше - я. Но чами тут тихо. И теплеет воздух, чувствуешь? — указал он рукой куда-то в сторону мусорных контейнеров.

— Да! Весна победила. А ты сам спалившись или будешь шкериться до последнего? — спросил я, как гражданин и патриот.

— Я тут буду, пока не придут, хуле ещё делать? Будешь ещё пить?

— Нет, тебе долго кантоваться тут с Юлей, а мне домой пора, — ответил я безответственно.

Антон как-то по лошадиному мотнул головой и, обогнув оградку, сел на скамейку синюю. Впрочем, уже и не синяя она была, а тёмно-серая в сумерках, которые вот тут опустились рядом. И не видел я, моргает ли романтичная женщина Юля на фотографии или плачет.

Тени. Тени упали на Землю, словно сажа, и в небе зажглись фонарики далёкие-далёкие, как мечты наши. Как любовь там, или жизнь без прибавочной стоимости.

Я покинул убийцу без слов и сожалений. Не нужны ему слова, и сожаления эти тоже не нужны. А во мне всё сильнее просыпалось героическое желание вернуться туда, на две-

надцатую линию, в десятый дом, где водосточная плита ждёт меня за баком. Там ещё две батареи в пять секций у забора лежат, и скворцы в деревянном домике жизнь свою налашивают. Вот ведь, птицы эти. Верные. Поют, червей таскают и ветки всякие. А мы - словно те гуси на весах, всё ждём чего-то. А хуле там ждать, скажите мне?

(2019 г.)

ЗАБЕГ

Иногда случается такая хуйня — живёшь, живёшь, а потом - бац! Вспомнишь чего. Слова дурацкой песенки про ежа, приёмные дни нарколога, лицо Наташи Королёвой или народное средство от гонореи. Это как светофор - идешь на красный, а думаешь о зелёном.

Отдельные моменты жизни ржавыми якорями лежат на захламлённом дне нашей памяти и, иногда, вопреки законам Архимеда, всплывают словно говно. А ты думай, во благо это или во вред? Ну, да хуй с ним...

Просто бежал я намедни за автобусом и вспомнил, как когда-то, в период молодой печени, бегал не за автобусом, а иначе. Как? Да вот сейчас и расскажу.

* * *

Может, кто помнит, когда-то в парках были танцплощадки. Такие круглые загоны из деревянных брусов с бабками—бильетёршами и вокально-инструментальным ансамблем.

Ансамбли эти были значимее, чем народные артисты, и уж тем более круче, чем рэпер Баста. Членов этих ансамблей знали в лицо и играли они на гитарах социалистического лагеря - а это надо было уметь. Любой современный лабух, иль там Дима Билан, сможет взять два аккорда на «Фендер», чтобы поймать тональность. А раньше о такой хуйне никто и не думал!

ВИА районного масштаба ебали драйв, смутно догадываясь, что наркоман Хендрикс был бы ими доволен, если бы играл на тех же «дровах», что и они.

Да ладно, ближе к теме, а то ностальгические сопли можно размазывать по бумаге долго, а у читателя время тикает. Короче, на танцы ходили пацаны и девки. Слово «быдло» тогда не знали и потому все жили легко и непринуждённо. То есть, ходили на танцы и делали красиво.

Сейчас в гоп-клубах «убитый» намертво ди-джей крутит ручки своего патефона и, поддерживая спадающие наушники, поливает «кислотой» поколение «Ягуара». А хуле, звёзды танцпола, стробоскопы и сканеры, суб-басы и Dram`&`Bassы, адреналин и текtonик. Вечеринка, блядь.

А тут 70% музыки советских композиторов и сумочки на полу. И вокруг этих сумочек танцуют молодые люди, не отягощенные курсом доллара. Честно говоря, он им вообще был похуй, этот доллар. Бля, опять отвлёкся.

Заебались мы с друганом Олежкой играть в карты и цапать за джинсы («У кого на жопе «Рила», тот похож на крокодила») дворовых девчонок. Решили мы сходить на танцы и увидеть новые горизонты. Конечно, там реально можно было получить по еблу, но это того стоило.

Драки на танцплощадке и вне её — дело тупо традиционное. Если ебашиться один на один, то тут хуле, всё ясно и романтики нет априори. А вот когда кодлой от ограды к ограде — это как бы пиршество Марса. Ведь на танцплощадку приходят люди с чужих районов и готовые к конфликту! Трещат цветные рубахи с длинными воротниками, визжат девки, лязгают зубы. Ну, я ж говорил — традиция.

Ебал я эти традиции, честно говоря. Но на танцы мы всё же пошли, хоть и возраст не позволял выёбываться перед сценой и местными полководцами.

И вот гитарист Саша Кирьянов делает своё соло, а потные, горячие тела совершают ритуалы советского вуду. И мы с Олежкой, выбрав-таки девчонок, стреляем глазами как бы мимо, вскользь, типа похуй.

А нет, не похуй. Кадрить девчонок, не снимать тёлок — вещи далёкие, как созвездие Гончих Псов. Сейчас за «косячок» и баночку «Rash» можно по-быстрому выбирать, к примеру, гламурную лохушку за третьей колонной справа от бара, а тогда за полуцелую надо было совершить такие подвиги, что любой президент может спокойно давать тебе звезду Героя или льготный проездной билет.

Короче, кружились мы, как волки вокруг деревенского по-тальона, перед двумя плотными, длинноволосыми гражданками в светлых, коротких кримпленовых платьях.

Сестры, что ли? Не, ни хуя не сёстры — просто мода такая. Да хуле нам мода, тут надо на танец пригласить, и что б тебя к чертям мягко не послали!

Первым пошёл Олежка. И, прокатило! Он уже под Юрия Антонова медленно так водит свою жертву, приближаясь к приятной, романтической прогулке «до дома».

А, ебать тот паровоз, была не была! Я, как мне казалось, независимой походкой, рулю к большеглазой девчонке с чувственным полуоткрытием рта. Красивая. По крайней мере, я в то время так думал. Ведь ещё не было Шакиры и группы ВИАГра. Только ВИА.

Музыка романтично льётся, пизженные с соседней стройки прожекторы с цветными стёклами мигают, а девушка почувствовала, что сейчас к ней доебутся на предмет потанцевать и прижаться. Они, сволочи, всегда это чувствуют, даже если ты не прёшь, как конь, по жнивью в поисках клевера. А я пёр — как актер Леонид Куравлев с романтикой в глазах и в новых брюках.

— Можно вас? — задаю я единственный правильный вопрос.

— А пивом угостишь? — сказала бы современная сучка с мятым жвачкой на губе. Фу, блядь!

А вот тогда, она (одна на всю танцплощадку) просто чуть приподняла не исколотые «винтом» загорелые руки и я так же молча привлёк её к животу.

Мы кружимся в танце, как там у классиков говорится. В темпе чуть быстрее *lento*, но медленнее чем *adagio*. И это,

блядь, такое ощущение, ну хуле тут объяснять... У каждого было по-любому. Но вот вспомнишь когда, сердце летит куда-то в сторону южного полюса. Хочется, чтобы мелодия не кончалась, и ты мысленно ругаешь того же Юрия Антонова за охуенные, но короткие песни.

А она, твоя избранная, твоя нежная и мягкая, как одуванчик, девушка, кажется тебе если не ангелом, то, по крайней мере, секретарём комитета комсомола. О, эти танцы уходящих «семидесятых»!

Но всё кончается почему-то. Я про медленную песню. Зато теперь мы говорим на «ты» и можно держать её за вспотевшую руку в ожидании следующего «медляка». Олежка с той, другой подружкой подваливает к нам, и уж вот тут-то можно лепить «горбатого» про полпачки сигарет и початую бутылку «Абрикосина».

Куда-то в преисподнюю рухнули стеснительность и робость. Мы смеёмся и дрыгаемся. «По французской стороне-е-е...». И весь народ тебе похуй. Потом снова относительно грязные танцы и моя девушка, видя, что я наматываю сопли, тихо спрашивает:

— Ты можешь меня проводить?

— Бля, да хоть восемь раз! Да хоть на БАМ! Хоть до рынка и обратно! — мог бы воскликнуть я, но вместо этого говорю:

— Конечно, я провожу тебя, Лена (её Леной звали).

Если бы я даже знал, что меня ждёт в ближайший час - полтора, то наверняка ответил бы то же самое. Это природа, которую наебать не сможет даже покойный подданный её величества Борис Березовский.

А в это время на танцплощадке назревал почти Карибский кризис. В воздухе повисло воинственное облако предстоящей драки. Мочилово должно произойти и оно произошло.

Я успел отпихнуть Лену к ограде и попал под «каток». В масовой драке никого не ебёт, сколько у тебя лошадиных сил и какая динамика. Тебя ебащут. И ты хуяришь в биомассу, пока не получишь удар, предназначенный тебе Богом. Верите, нет, я избежал этого удара и только рубашка лишилась трёх пуговиц.

Чужаки были с позором выгнаны с танцплощадки и бодро побежали за подмогой в свой район.

Мы с Олежкой и новыми подругами решили не дожидаться «Куликовской битвы» и мирно отчалили из парка. Мой друган, загадочно поморгав глазами, срулил со своей ненаглядной в сторону детской поликлиники. Ну а мы с Леной идиллически побрели вниз по холму к частному сектору.

Мы болтали обо всём и держались за руки. Вечер был теплым и ласковым, как Арина Родионовна. В низине гудел и ворочался металлургический завод, а в небе только-только появился полумесяц и отвернулся, чтобы не мешать нашей маленькой любви.

Так и шли мы в сиянии небесных светил в сторону Сокольского сельпо, полные томления и неги. Так можно идти целую вечность, но, тем не менее, мы подошли к калитке её дома и остановились. Нет, не для поцелуя мы остановились, какие на хуй поцелуи в первый день знакомства! Просто она, приоткрыв калитку, сказала мне «спасибо» и улыбнулась так, что я чуть не проебал важный момент.

Метрах в семидесяти от меня, со стороны речки, двигалась колонна, отнюдь не первомайская. Вместо транспарантов с вечным словом «Слава...!» в руках демонстраторов были фрагменты штакетника и велосипедные цепи. Это была та самая долгожданная подмога, ну я говорил уже. Ага.

Так вот, пока прекрасная Елена медленно закрывала скрипучую калитку, с прежней обворожительной улыбкой на мимолётном лице, я отсчитывал секунды для полноценного съёба по методу Валерия Борзова.

— Мы ещё увидимся? — сквозь зубы прошептал я как подросток Ромео.

— Как хочешь, — тихо ответила мне Лена, Леночка. Конечно, это было «Да».

— Хочу, пока, до встречи! — с достоинством закончил я романтику, всей кожей ощущая воинственное поле справа от себя.

Калитка закрылась. Я даже не помню, закрылась она или

нет, потому что давно уже мчался, как вольный каменщик, по освещённой фонарями аллее. А за мной раздавался тяжёлый топот взбесившегося стада и крики с окончанием «пиздец!».

Вот примерно так надо отбирать легкоатлетов в сборную. Полная отдача сил и прочих качеств. Я был великолепен.

Блядь, как часто судьба любит ставить свои дурацкие эксперименты! Ведь может же она заснуть, например, или посмотреть телевизор. Нет, ни хуя - не будет она смотреть этот чёртов телевизор.

Короче, бегу я значит вольным стилем от этих, которые... И вот он, поворот на бугор. Частный сектор заканчивается. Я красавец. Я...

О нет! Это как? Зачем?! Нахуй?!!

Прямо по курсу на меня вываливает толпа «наших». Вываливает не менее агрессивно, чем та, которая, ну вы поняли. И что самое глупое — они принимают меня за авангард противника. Теперь я абсолютный авангард, для всех. Ну, а скажите пожалуйста, какой я нахуй авангард?

Нет же, впереди я слышу вопли «Вот они, мочи козлов!» или что-то в этом роде. Сразу же за этим раздаётся всё тот же знакомый мне топот стада.

Помните увлекательный мультфильм про мальчика Маугли, где в ущелье буйволы чуть не затоптали полосатого кошака? Вспомнили? Ну, тогда вы поймёте и мою ситуацию.

Конечно, выход есть, но почему всегда вот так. Остановиться и сказать не дрожащим голосом — «Я свой» значило... Интересно, а что бы это значило? Да никак не значило. Им похуй и тем - похуй. Всем похуй, кроме меня.

И тогда я сделал то, что делает настоящий мужчина перед лицом неминуемой опасности, сопряжённой с инвалидностью. Вот именно, я сиганул через чей-то забор с колючей проволокой. Порвал штаны, но был спасён от пиздюлей и унижения. Правда, подумал я об этом раньше, чем угодил ногами во что-то мягкое и волосатое.

Оно метнулось от меня, видимо тоже охуев от неожиданности и грубо залаяло. Звякнула цепь, и этот звук показался

мне весьма неприятным. Цепь была очень длинная.

Человек царь природы. И именно поэтому я сообразил быстрее, чем друг царя природы. Я рванул по чьему-то огороду, взрывая грядки с морковкой и редисом. Овощи летели в небо, как олимпийские салюты. На крыльце выбежал какой-то ку-

лацкий потомок и заорал что-то насчёт моей матери. А позади меня неслась громадная немецкая овчарка, уже не лая, но рыча.

Мамочки, да где же тут тылы? Ведь огород должен когда-то закончиться! Сердце моё билось громче, чем малый барабан ансамбля «Песняры». И билось не зря - вот он противоположный забор, гораздо выше прежнего.

Вот все говорят Бубка, Елена Асымбаева. Ну и хуле? Без шеста, под аккомпанемент хозяина огорода и его собаки, я взял высоту и, возможно, рекордную. Вслед за мной посыпались комья земли с кед. Они безнадёжно отстали от меня (комья). Я продолжил движение по другому огороду, и это не принесло мне облегчения или хотя бы веры в Господа Бога. А знаете почему? Я и сам не знал, пока не въебался.

Наверное, многие знают, что такое плетёная корзина. Ну да, это такие типа сумки из веток ивы с крепкими ручками. С корзинками хорошо ездить на рынок и покупать яйца десятками — в автобусе не подавят и если чего, этой корзинкой можно переебать кого по горбу за грубость и невежество.

Но вот бегать с этими предметами на ногах я никому не советую. Какой-то советский предприниматель наплёт этих корзин великое множество и поставил на моем пра-ведном пути, может для просушки, а может специально, тварь. В пылу весёлого забега я попался в эти корзины и бежал, подобно лыжнику-разряднику. Вдобавок владелец этих корзин завопил на всю улицу, что его грабят и, возможно, насилиуют.

Мне повезло. Переваливаясь через ограду, я потерял необычную обувь и припустился по параллельной улице в первозданной, то есть в привычной для меня экипировке.

Вы спросите, почему опять припустился? Да, блянь, потому, что из калиток повылазили любопытные граждане и спрашивали, кого же собственно грабят. В итоге я успел выскочить на свой район и вполне оправданно перешёл с «галопа» на «рысь».

* * *

Они наверняка меня ждали. А если не ждали, то какого хуя?³ Весело завертелся бело-синий маячок и взревел простуженный мотор УАЗика. Включились фары, и я обреченно вздохнув, начал набирать обороты.

Мне всё время не верилось, что зайцы бегут по свету фар охотника. Я думал, что это идиотизм и ошибка природы. Заявляю всем — в свете фар ментовского «бобика» бегают не только зайцы. Например, я бежал. Бежал так, что хоть сразу на Кубок Страны!

Мусора жали газы и крякали в рупор. Да похуй! Бежать, так бежать, без компромиссов. К тому же я понял одну важную мысль — а если в подворотню и через больничный морг к детскому садику номер 16? И я сделал это. Назло закону и порядку. Назло судьбе и серебряному месяцу.

Пробираясь между груш и крыжовника к беседке, я был спокоен, как товарищ Берия. В этом заветном месте мы с Олежкой «заныкали» полбутылки «Абрикосина» и сигареты.

И вот я в волшебной полуутёме шарю под досками и... ни хуя. Нет того, что должно поддержать душу и сердце. Вместо этого я слышу подозрительную возню в углу беседки и тихий девичий голосок:

— Он сейчас уйдёт...

— Нет, не уйдёт, это Беспяткин, — уверенно ответил знакомый мне голос.

— Олеган, это ты?³ — строго спросил я.

— А кто ешё, где ты был?³ — Олежка вышел из глубин беседки с той самой, которая у детской поликлиники живёт.

Он протянул мне остатки пойла и «бычок». Я допил всё и закурил.

Олежка с подругой молча и внимательно смотрели на меня. Наверное, я стоил того, чтобы на меня так смотрели.

— Ты домой?³ — вообще не в тему спросил мой лучший друг.

— Да, там меня ждёт лобзик и пилки, хочу рамку для календаря выпилить, — ответил я почти честно.

Мне не поверили. А зря. Ведь ничто так не успокаивает перед сном как выпиливание лобзиком и комсомольский она-низм. Но уж если второе отпадает по причине общечеловеческой усталости, то лобзик по-любому необходим. Да и календарь заебал с холодильника за батарею падать. А там пыль и гудит что-то.

(2010 г.)

МЯЧИК

Апрель — месяц ебанутых на всю голову поэтов и не-унывающих алкоголиков.

Нет, сказать, что в этот месяц все пьют и пишут стихи про берёзки, не могу. Многие припиваются, философски глядя на короткие юбки, а кто-то вообще ничего не пишет, кроме жалоб президенту, да на заборе всяко.

Кстати, юбки. Это ж, бля, такая тема! Почему никто не сочиняет стихи, иль там поэмы про короткие юбки? Про вагину — сколько хочешь. Про изгиб от жопы нежной — да любой бородатый бард знает! Эх...

Так вот, Наташа. Да, её звали Наташа. Но причём тут мячик, спросите вы? Наверное, связь есть, но пока её не видно. Даже мне.

А Наташа была очень красивой девушкой. Она работала на карамельках. Ну, там, где «раковые шейки», «барбариски».

Тянется, короче, такая длинная хуйня, типа трубки, а в ней начинка. Потом её ножик электрический обрезает — и конфетка готова.

Вот где-то в этом месте и работала красивая девушка Наташа. Чего она там делала, я не знаю. Наверное, нажимала какие-то кнопочки и грустно смотрела в закопчённое окно.

Её любили, нет, скорее, обожали. Да нет же, нет. Ею «наполнялись» все на нашем хлебозаводе — от шоферни до сторожа Баграмяна.

Все знают, что хлебозаводы не только булки пекут, но и кондитерские изделия производят. Кто жрал зефир в шоколаде? Да, это вот кондитерское изделие. Если на него наступишь по-пьяни — ёбнешься так, что провода загудят. И закусывать этой падалью стрёмно, как, впрочем, и мармеладом. А ещё есть эссенции — грушёвая, апельсиновая, яблочная. Такая вот страшная смесь ароматов и спирта. Это сейчас сыплют в сладости порошки какие-то, а — тогда сахар, ваниль и эссенция. Пить её было практически невозможно, если ты, конечно, не поэт там, иль слесарь по печам и гидравлике.

Мы пили коньяк, который приходил на предприятие в огромных бочках, но использовался незначительно, не то, что масло или там яйца.

Наташа всем давала этого коньяку, но любили её не за это. Ею «наполнялись» потому, что она никому ничего, кроме этого чёртового коньяка, не давала во всех иных смыслах.

Нет, вру я. Её взгляд, словно с полотен Ренуара, бесплатно и нежно пронизывал чувствами всякого, кто подходил или пробегал мимо неё. Эрос и Платон бились под фуфайками, как гладиаторы. Каждый мужчина чувствовал, что вот-вот сейчас она чуть приоткроет бархатные губки и шепнёт тебе самое главное слово на свете.

Но нет, не было этого. Какое-то невидимое биополе окружало эту изумительную, добрую красавицу и не позволяло говорить пошлости, как, например, в пекарне. Там женщины давали всё, кроме коньяка. Нет, они тоже были практически красивы и теоретически загадочны, но хуле от этого? В бухгалтерии такая же история, только на высоких каблуках и в платьях с блёстками.

А вот Наташа... Мы даже не знали, замужем она или свободолюбивая блядь. Кольца на пальце не было, но и в гла-зах — бездонное море нежности и ни намёка на легкое порно без наручников. Загадка.

Блядь, да что ж там с мячиком то? Как бы так незаметно перейти к этому предмету, минуя Наташу, коньяк и суточный план.

* * *

Обед! Да, в процессе производства хлебобулочной продукции присутствовало такое утончённое явление, как обед. Час, в который ты становишься свободным и готовым на всякие мелкие подвиги.

Зимой этот час был сер и томителен, как ожидание поезда из Алма-Аты. Все прятались по углам, шурша газетами и звякая посудой. Некоторые ублодки даже ходили в буфет за томатным соком и полукотлетой на булке. Остальные жрали принесённое из дома, и ругали администрацию.

Но вот весной, в апреле, например, люди выползали из щелей как клопы-солдатики и, расположившись у склада на ящиках и поддонах, ебашли пищу открыто, чавкая, роняя крошки и громко посыпая на хуй не только администрацию, но и само правительство. А это не по Конституции вроде.

Весна — не время перемен. Это время освобождения. Ты как бы отрыгиваешь из себя всё, что накопилось за постылую зиму, включая новогодний «оливье».

В общем, так. Сидели мы все на этих ящиках, жрали, спорили и вдыхали волшебный апрельский воздух. А мы были разными и по возрасту, и по должности, и по алкогольному стажу. Но в эти минуты мы были равны, как Святая Троица.

— Премия тебя не устраивает? — злился плотник Макеев.
— Иди в депо, там без премии, график и спиздить можно побольше, чем тут.

— Ты коней-то не гони! Премия — хуйня, я за принципы. Зачем её, эту подачку, регулировать трудовой дисциплиной?
— упирался завскладом ГСМ Иван Пантелейевич.

Чуть севернее кислородных баллонов работники хлебопекарни спорили глубже и орали, как весенние грачи.

— Это ошибка Да Винчи от молодости! Традиционные перспективы в эпоху Возрождения были далеки от геометрии, потому рука Марии такая неестественная! — кричал Вася Вандалов.

— С перспективами у мастера было всё в порядке! Это он

специально, как бы технически, инженерно, новаторски, преподносил живопись, — пикировал на него хромой учётчик Фёклов.

— Ни хуя подобного! Эй, инженер! — повернулся Вася к седому, высохшему инженеру по техоборудованию Селезнёву. — Скажи, что Леонардо разделял живопись и чертёжность, точность и светотени. Ну, скажи, старый чёрт!

— Не всегда, Вандалов, не всегда. Вот, как и ты, он смотрел на мир глазами реалиста, а рисовал по божьему усмотрению, — вяло ответил инженер, мусоля копченую мойву.

— Блядь, вас, интеллигентов православных, хуй разберёшь! Вечно выверты какие-то, и ещё Бога приплёл, тьфу! — разозлился грузчик.

У стены гаража, на здоровенной покрышке от трактора, сидели пекари и тестомесы в белоснежных халатах и питались салатами из свёклы и куриными ножками.

Если кто думает, что пекари и тестомесы — это такие огромадные мужики с бицепсами и трицепсами навыкате, то покиньте кинозал немедленно. Это были наши любимые женщины или как их там ещё. Конечно, среди них попадались и весьма крупные экземпляры, порою, даже пиздец какие крупные, но это дела не меняет.

Дамы всегда были в почёте, потому что существа они мягкие, сисястые и имели места не столь отдалённые, но приятные до семязвержения. Они, как всегда, спорили о каких-то фильмах с роковыми любовями, страстями и супружескими неверностями.

Короче, в этот весенний тёплый день во дворе хлебозавода царило свободомыслие и пахло далёким дымком «мудиловской» мусорки.

Из запылённого окна на нас смотрел новый директор завода. Ему явно хотелось спуститься во двор, как и его предшественнику, но не позволяла типичная робость новичка-администратора.

А я всё смотрел на Наташу. Возможно, и не только я. Она же ни на кого не смотрела, а просто пила кефир и жевала бул-

ку с маком. Нет, она переговаривалась с сотрудниками своего цеха, но как-то вяло и без азарта. Королева! Фантазия Гёте! Марсельеза!

* * *

Ба-бах! Ох, бля! Что за хуйня? Круглый и упругий, как зад бухгалтерши Тони Соколовой, и пыльный, как кепка электрика Жукова, мячик упал с неба. Потёртый и весёлый, словно Колобок, был этот мячик. И прямо, подлец, в мою кучку сала и лука низвергнулся! С небес ли он пришёл или из демонических ущелий? Не важно.

Он отпрыгнул к грузчику Вандалову, потом на горб Ивану Пантелеевичу и в итоге застыл призывающе посередине двора, медленно вращаясь, словно естественный спутник Земли.

Весь социум уставился на него. Замерли даже невидимые птицы, там, в садах за кладбищем. Такие паузы случаются порой в природе как некий знак, означающий крутой поворот или смену общественных формаций. Предтеча будущих потрясений, диктатуры и НЭПа.

Но зачем растягивать эту паузу? А незачем!

В стороны полетели пакеты, миски и термосы. Вся мужская рать нашего предприятия встала, как Русь Святая, с лицами, полными огня и соперничества.

Я успел первым и добротным носком обрезанного кирзача сделал первый удар по мячику.

— Ф-фыр-р! — пропел кожаный незнакомец и влепился в стену склада БХМ.

Отрикошетив, он попал на ногу электрику Жукову. В этот момент произошло молниеносное разделение на команды.

Ещё не поняв, кто за кого играет, мы все переместились на пустырь за градирней. Неизвестные истории руки поставили ящики-ворота и прозвучал голос сторожа Баграмяна:

— Пошла, милая! Иду по флангу!

Момент, когда за одно мгновенье стёрлась грань между возрастом и должностью, почётом и уважением, одышкой и

поэтическим даром, можно было бы назвать историческим, но это было так незначительно в сравнении с самой историей, что ну его на хуй.

Матч начался как вероломное нападение фашистской Германии. То есть, внезапно. Мы носились по пустырю, как по полям европейских арен ФИФА. Распасовка, сольные проходы по центру и вдоль компрессорной трубы, силовая борьба в небе и в пыли. Удары головой и печенью. Прострелы с флангов и из-за ворот. Все эти атрибуты профессионального футбола дополнялись матом и неприличными жестами.

Это был матч людей, не обремененных годовым контрактом и проблемами трансфера. Это был принципиальный бой за обладание. Чёрт, а за обладание чего или кого был этот бой? Этот вопрос не имел ответа. Он был открыт миру и понятен без смысла.

— Не танцуй, как проститутка! Переводи на правый край, чучело! — ревел инженер Селезнёв в разорванной рубахе.

Запутавшись в дриблине, плотник Макеев уводил за собой шоферя Дрёмова и Васю Вандалова. В итоге мяч у него отобрали, и грузчик, обгоняя собственный перегар, помчался к нашим воротам.

Я, изображая танец Будды, перерезал ему путь. Иначе и быть не могло! Позади хромой учётчик Фёклов — последняя линия обороны и не совсем надёжная. Я сфорил.

Пока мы толкали друг друга в твердые груди и рвали взглядами души, сторож Баграмян утащил мяч от ворот и перепасовал инженеру. Тот, в лучших традициях киевского «Динамо», «по-протасовски» впиздячил гол Ивану Пантелеевичу.

Взревели трибуны из пекарей и тестомесов. В синь небесную полетели накрахмаленные колпаки и женский визг потревожил автомобильные сигнализации. Новый директор завода почти расползся по стеклу своего кабинета.

А где-то возле электрощитовой стояла она, моя обожаемая и всех «наполняющая» богиня. Наташа смотрела на нашу игру с такой страстью, что даже пыль и не гламурный топот рабочей обуви не смогли скрыть эту страсть. Всё это я увидел

одним мимолетным взглядом и, оттолкнув Васю, бросился в нападение. Хуй с ней, с тактикой — я должен забить гол!

Ничья — удел евреев-гуманистов и всяких там либералов. Самое дорогое у человека это — жизнь! Это каждый коммунальщик вам скажет. Но ещё дороже — это подвиг, на фоне которого любая жизнь — кусок окаменевшего деръма истории.

— Дай пас! Дай пас, сволочь! — кричал я электрику Жукову.

Но тот вальсировал с мячиком, как Зидан, и его губы вытянулись по-рыбы горизонтально.

Я скакал вокруг, «открываясь» и махая руками, как пришелец из космоса. Меня грубо «бортанул» шофер Дрёмов. Прокатившись по утрамбованной земле, я понял цену боли, но не придал ей значения. Боль — последнее, на что надо обращать внимание в жизни, после уплаты налогов и концерта певицы Валерии. Разодранная щека в счёт не шла.

Я вскочил неожиданно, как герпес, и стремительно, как нота «ля». И тут же, словно в сказке, получил долгожданный мячик. Отпустив его метра на два от себя, я без всяких там «школ» тупо летел к воротам Ивана Пантелеевича.

Навстречу мне тенью из прошлого рванулся кто-то из слесарки, по-моему, бывший десантник Пышкин. Да, точно он. Две силы, равные по модулю и противоположные по направлению, двигались в точку «Х». И в этой точке произошло освобождение энергии. Половинка моего кирзача и берцы Пышкина сдавили кожаный мячик с равной силой. Блять, к чему эти сравнения? Силы были эквивалентны чему-то тротиловому! Мячик торжественно взорвался, и униженной тряпочкой ударился оземь.

Но вот тут-то и была та самая точка перелома. Пока бывший десантник решал, оплакивать ему мячик или выпить газировки с солью, я слабеющей ногой притащил рваную тряпичку к линии ворот и по-советски, через «очко», вкатил «золотой» гол опозоренному завскладом ГСМ.

Что творилось в стане болельщиков! Ебать ту ФИФА (од-

ним словом и по-французски)! В небе уже парили не только колпаки и халаты, но и даже чай-то бюстгалтер четвёртого размера. Как мы уходили с пустыря, можно прочесть в «Слове о полку Игореве».

Оставшийся рабочий день был скомкан и для страны не важен. Все только и обсуждали игру. Все, кроме Наташи. Я совсем забыл о ней. Но (вот тут вы охуеете не менее моего) она не забыла обо мне. Прикиньте.

В конце смены, когда я смиренно пришёл за вечерним ко-
ньяком, она тихо и так бархатно сказала мне:

— Беспряткин, ты не проводишь меня сегодня? А то я обещала подружке занести дрожжи, а она у кладбища живёт.

Бля, товарищи, вы можете представить, чтобы я сделал с упокоенными гражданами, если бы они чего-нибудь там?

Ещё не очухавшись от стопятидесяти грамм и неожиданной просьбы своей богини, я сипло прошипел:

— Без проблем, Наташа.

* * *

Ночь была, как у старины Александра Сергеича. Ну, там «прозрачно небо, звёзды блещут» и все такое. Чего-то там трепещет. Температура воздуха и атмосферный столб в норме. Короче, все столбы в норме и в груди томление, словно у поэта-гражданина Некрасова.

Мы шли по залитой лунным светом тропинке мимо спокойного, умиротворенного погоста. Она держала меня за руку и эта рука дрожала. А я готов был голым пробежать меж могил неведомых мне людей и процитировать что-нибудь из классиков марксизма!

Но это было бы разложением идеалов и ложный путь, как сказал бы смелый комсомолец Корчагин. Это попросту была бы глупость. И потому я нежно обнял Наташу за плечи. Она перестала дрожать и склонила голову, как птица.

Так и шли мы до дома её подружки. Потом она отдала дрожжи и вернулась ко мне, взволнованному. Обратно мы

шли влюблённо, как дети. Я трогал её за всё, но не грубо, а наоборот как-то.

И вот чертоги моей королевы. Одноэтажный, невысокий дом с двускатной крышей. Низкий забор и без собаки во дворе. Наташа остановила меня неожиданно в тени разлапистой липы. И под ней мы поцеловались. Как сладок был поцелуй, так горька была мысль о расставании!

Не в силах удержать себя, я предпринял пошлую попытку. Она решительно отстранила меня и вдруг спокойно так сказала:

— Вон в том крайнем окне я буду ждать тебя. Перелез через забор и по огороду. Только не по грядкам, а то от свекрови попадёт.

После этого она исчезла, словно аванс перед Днем работников общепита. Я стоял, полный страсти и ещё какой-то романтической дряни, вроде трепета плоти иль как там её. Ну, надо же! Свекровь, грядки, окно... Аптека, улица, фонарь... Может, я супергерой или принц из сказки про лягушку?

Впрочем, долго мыслить об этом я не стал. Как Маугли, я полез на забор.

За забором была вспаханная земля. Блядь, как на государственной границе! Я слышал, что такие вещи переходят с помощью двух лопат. У меня этих лопат не было, а бежать за ними через всю «Мудиловку» к дядьке нахуй не нужно. Поэтому я осторожно пошел по диагонали к заветному окну.

Ступив на отмостку, я прикинул, что на окно залезть будет не совсем просто. Но, граждане, любовь и близость женского тела способна закинуть человека даже на Петропавловский шпиль! А тут какое-то странное окно с потрескавшимися штапиками.

И вот это окно распахнулось, и нежный голос прошептал:

— Давай, лезь Беспяткин.

И я, пробуксовывая по стене ребристыми протекторами кроссовок, как ночной зверь, проник в спальню с широкой пушистой кроватью и самой дорогой на свете женщины. А что ещё нужно для простого рабочего ублюдка, вроде меня? Да, в

общем-то, больше и ничего. Безумный секс и разумная ебля.

— Да будет так! — сказал Творец и задёрнул Луну занавеской.

Но у нас был маленький «ночник» воткнутый в розетку, и неведомая свекровь, храпевшая как ГАЗ-53, что по утрам развозит булки по магазинам. И ещё много чего было, скажу я вам...

* * *

Полпятого утра — время традиционного съёба по методу Казановы. Это время, когда пиздят магнитолы и стекла с автомобилем, а солнце гадает, как ему рассвет начать — резко и революционно или вкрадчиво и неуверенно, как речь председателя Центробанка.

В это время я проснулся для того, чтобы невесомой тенью скользнуть из тёплого ложа в прохладу счастливого утра, в кусты крыжовника.

— Да спи ты ёщё, Беспряткин, — мурлыкнула Наташа, мягкая, как облако.

— Нет, я пойду, надо... — ответил я твердо.

Я точно знал, что мне надо, и эта причина убила бы всю романтику и прелесть волшебной ночи. Поэтому, поцеловав женщину в красивую и душистую макушку я, быстро одевшись, полез в спасительное окно.

Когда я оказался на свободе, то был неприятно удивлён состоянием стены, которую ночью я терзал подошвами как постирочную доску. Она вся из небесно-голубой превратилась в грязно-развратную.

Я постучал в окно. Тишина. Я ёщё раз постучал, громче. Она проснулась и выглянула, как Солнце.

— Вот тут на стене нехорошо получилось, — шепнул я, грустно сдвинув брови.

Наташа посмотрела вниз и ахнула.

Я уже знал, что её муж-дальнобойщик, суровый, с волосатыми руками мужчина, имел какие-то принципы, потому не

удивился, что Наташа кинулась искать тряпку и этой тряпкой махнула мне, чтобы съёбывал.

Ну, я и пошел, обходя грядки, к забору. На нем я завис на долю секунды и посмотрел на огород. А там, на чёрном-чёрном чернозёме, как на полотнах Репина, зияли нежно-голубые следы с грубым рисунком протектора моей грешной обуви. Они уходили прочь от дома, в котором я оставил частичку своего... Бля, забыл, как там пишут писатели.

Короче, герой уходит, чтобы... Нет, не вернуться, но типа того. А там, у истерзанной стены, королева пыльной тряпкой затирает улики внезапной любви или мимолетного блядства (решайте сами).

Мне же пора было выполнить главную задачу этого дня. Вот только бы успеть добежать до кустов боярышника перед оградой всёпринимающего кладбища.

(2010 г.)

H
F 2012

— Пиздите, ангелы. Мне нужно что бы вы пиздили, ох как нужно, — вздохнул я, из последних сил поддерживая падающую на стол голову.

ПОГУТАЙ

И уже нет никакого удивления, что в точках наших встреч всё-таки есть этот самый чёртов смысл. И эти точки единственное, что не может отнять смерть.

ТОЧКИ

Вот выбейте из-под ног общего рынка этот самый ебучий эквивалент и увидите, как люди станут улыбаться задаром, исчезнут войны и пидарасы.

БАБКИ

Протоколы, решётки, слабое освещение и ожидание — вот он, весь набор внутренних дел для несознательных граждан с повышенной социальной активностью.

ПОГОДА

Человек существо из ряда вон - он недоверчив, глуп и жаждет новизны бытия. Но нет этой новизны, только все т же любовь на продавленном диване, водочный перегар и праздник Пасхи.

АВТОБУС

Я очнулся в настоящем и понял, что жизнь — это не только фрикции под звездами, но и технический прорыв в будущее. Я стоял между мотоциклом и женщины.

СВАДЬБА

В бане решают глобальные вопросы только карьеристы и кандидаты на важные посты. Нормальные люди ни хуя не решают, а только парят тело и мозг, пьют напитки и жрут пиццу.

НАЛЕГКЕ

— Под Новый год сбываются желания и пьётся шампанское, слушается речь главы государства и пляшется под ёлкой, — мечтательно высказался я.

АЛЁША

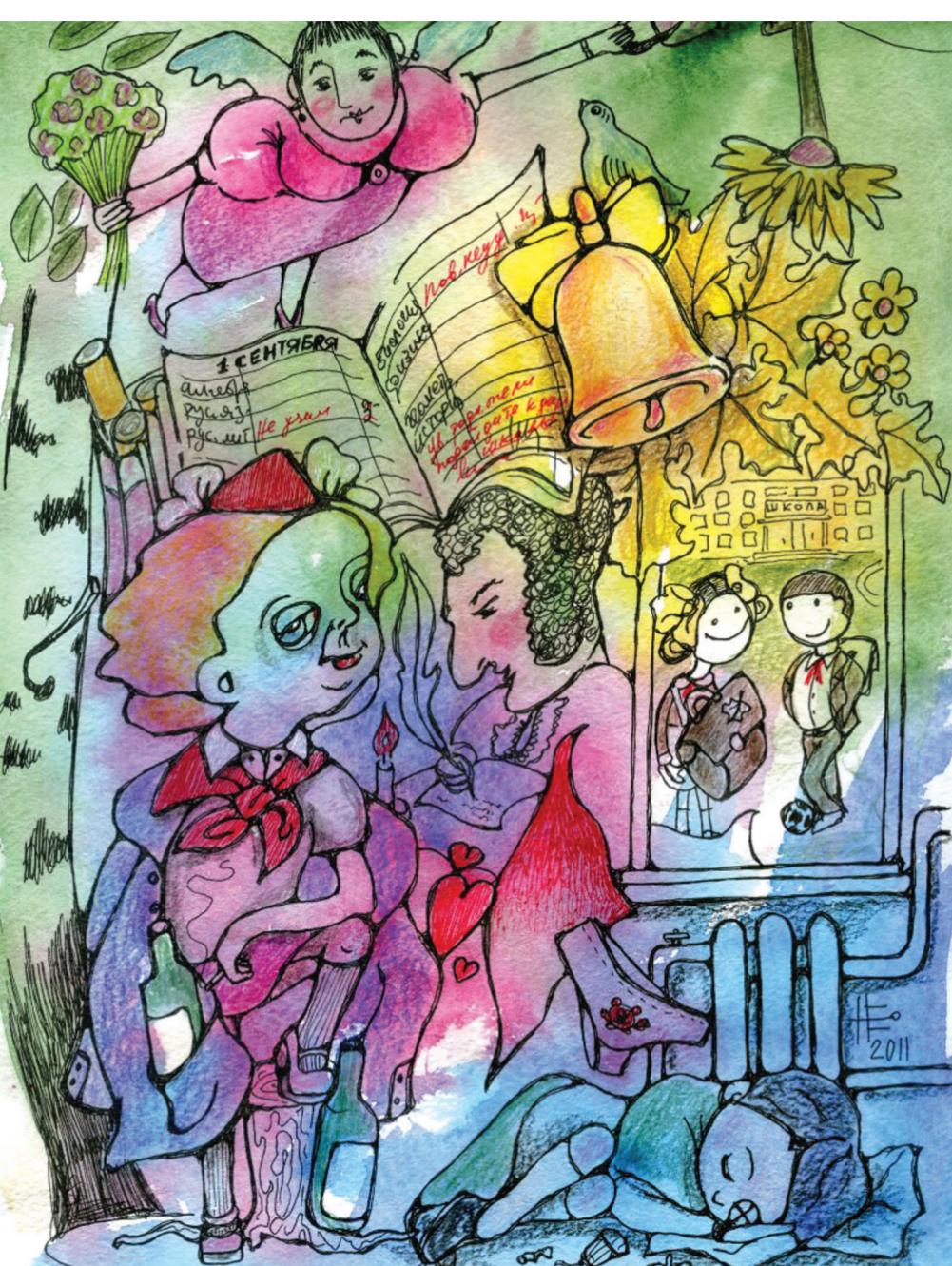
Раскрашенные, как натюрморты Клода Моне, проститутки были уже не экспрессионизмом, а обычным русским реализмом.

туфля

Я до сих пор считаю, что эти перелётные твари, эти эмигранты и капиталистические агенты, специально готовили провокацию.

ГРАЧИ

Нет, не надо кружиться. Надо опереться о земную ось и передохнуть.
Надо собраться с силами и воспрянуть духом. Ведь сегодня Первое
сентября.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Я ходил, искал и подписывал протокол, где чёрным по белому было написано: «стоял у подъезда и самовыражался нецензурной бранью...».

КАПЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Предостережение Автора	4
INTRO	6
Груши	7
Ларёк	20
Лавочка	31
Гуси	37
Забег	44
Мячик	54
Двери	65
Боярышник	72
Попугай	79
Точки	87
Бабки	107
Погода	114
Кустурица	122
Подвал	131
Будильник	137
Круги	148
Свадьба	153
Наташа	169
Рыбалка	180
Автобус	186
Мёртвый бригадир	294
Любовь	202

Налегке	208
Блядь	215
The bat	223
Пельмени	229
Алёша	236
Гараж	251
Страх	257
Туфля	263
После снега	269
Буйянка	276
Грачи	283
Royal	287
Выигрыш	295
Лось	310
Москва	317
Физика	320
Первое сентября	331
Окорочка	334
Капель	340
Adagissimo	346
Каток	349
Образы	356
Утро	366
Одно за другое	369
Туман	373
Медвежонок	376
Усталость	385
Встречи (повесть о найденном времени)	389